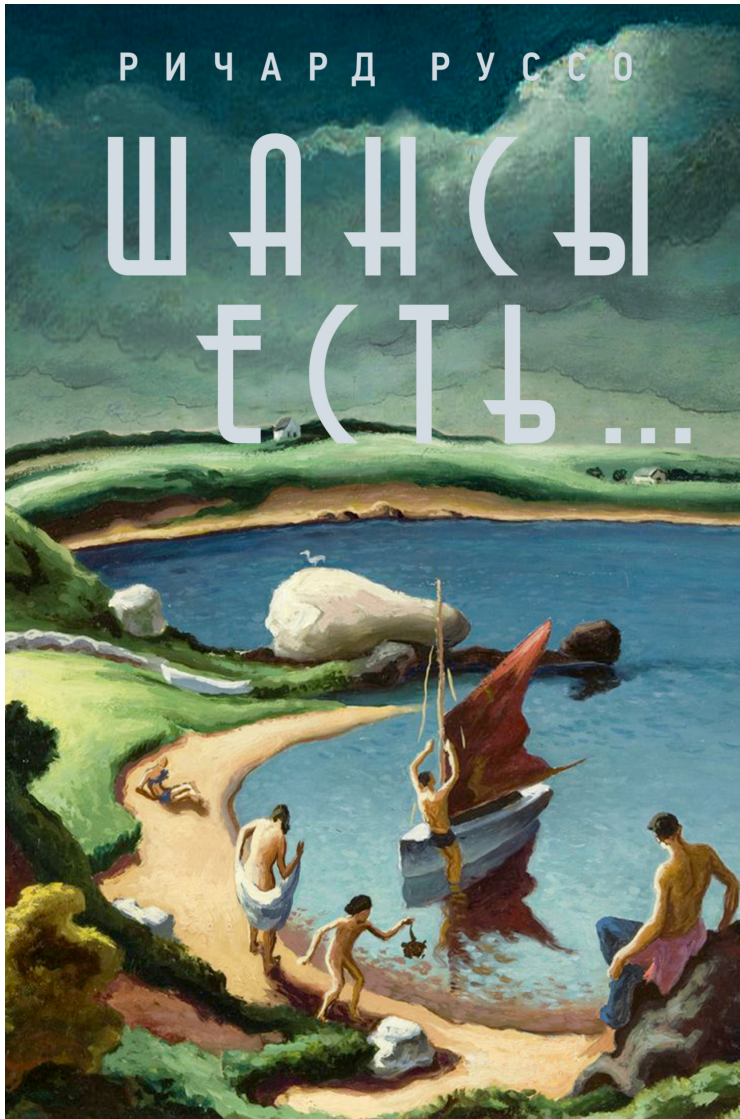

РИЧАРД РУССО

ШАНСЫ ЕСТЬ...

Ричард Руссо

Шансы есть...

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65989493

Шансы есть...: Роман / Ричард Руссо, Пер. с англ. М. Немцова.:

Фантом Пресс; Москва; 2021

ISBN 978-5-86471-877-3

Аннотация

Новый роман пулитцеровского лауреата, автора “Эмпайр Фоллз” и “Непосредственного человека”, – обаятельная история о прочных, однако запутанных узах дружбы. Погожим сентябрьским днем на острове Мартас-Виньярд собираются трое старых друзей. Более непохожих людей не придумаешь: Линкольн – торговец коммерческой недвижимостью, Тедди – независимый христианский книгоиздатель, а Мики – престарелый рок-музыкант. Но у каждого с начала 1970-х остались собственные секреты – помимо той громадной тайны, которую после памятных выходных, совместно проведенных на этом же острове в 1971 году, не разгадал ни один из них. Тогда исчезла Джейси, девушка, которую все трое любили, каждый по-своему... И вот сорок с лишним лет спустя истории трех жизней разворачиваются перед глазами читателя во всей своей полноте, а далекое прошлое сталкивается с настоящим, едва не сшибая с ног шквалом изумления, трагедии и иронии.

Содержание

Пролог	5
Линкольн	37
Тедди	63
Линкольн	93
Тедди	110
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Ричард Руссо

Шансы есть...

Тем, чье имя на стене

Мы взяли верх всего на миг.

Тогда невинны были мы.

“Мисс Атомная Бомба”, группа “Киллерз”¹

Chances Are... by Richard Russo

Copyright © 2019 by Richard Russo

Книга издана с любезного согласия автора и при содействии литературного агентства *Permissions & Rights Ltd.*

Перевод с английского Максима Немцова

© Максим Немцов, перевод, 2021

© Андрей Бондаренко, оформление, 2021

© “Фантом Пресс”, издание, 2021

Пролог

Три старых друга приехали на остров в обратном порядке – от самого дальнего к самому ближнему: Линкольн, агент по коммерческой недвижимости, – практически через всю страну из Лас-Вегаса; Тедди, мелкий независимый издатель, – из Сиракьюз; Мики, музыкант и звукооператор, – с соседнего Кейп-Кода. Всем по шестьдесят шесть, и все учились в одном маленьком гуманитарном колледже в Коннектикуте, где подрабатывали халдеями в женском землячестве. Остальные подавали, в основном такие же студюзы, уверяли, что они тут по собственному выбору, ведь многие “теты”² – огонь-девчонки, а вот Линкольн, Тедди и Мики были стипендиатами и трудились тут из экономической необходимости. Линкольна, смазливого, как любой студюз, сразу сделали “лицевым”, это означало, что нужно облачаться в царпучую белую куртку до пояса и обслуживать девушек в большой столовой землячества. Тедди, уже работавший в ресторане в старших классах средней школы, стал помощником повара – делал салаты, размешивал соусы, раскладывал по тарелкам закуски и десерты. Мики? На него взглянули разок и тут же отвели к мойке, где рядом с картонной коробкой нефирменных стальных щеток высилась гора грязных кастрюль. Таков

² Имеются в виду члены женского землячества “Каппа-Альфа-Тета” (КАӨ) – первого в мире студенческого сестринства, основанного в 1870 г.

был их первый курс. Когда же они стали старшекурсниками, Линкольна повысили до главного халдея, и обоим своим друзьям он уже мог предложить должности в обеденном зале. Тедди, которому кухня осточертела, тут же согласился, а вот Мики сказал, что для него вряд ли найдется достаточно просторная куртка. В общем, предпочел остаться кухонным рабом, а не заигрывать с шикарными девчонками в зале, поскольку что-то, а галера была его собственной.

Собравшись на острове сорок четыре года спустя, все трое говорили спасибо за образование, полученное в Минерве, где классы были невелики, а преподаватели – доступны и внимательны. На первый взгляд колледж выглядел таким же, как и прочие учебные заведения конца шестидесятых – начала семидесятых. Парни носили длинные волосы, линялые джинсы и психоделические футболки. В комнатах общаги детвора курила дурь, забивая запах благовониями, слушала “Дорз” и “Баффало Спрингфилд”³. Но то были вопросы стиля, не более. Большинству же их однокашников казалось, что война где-то далеко, происходит она в Юго-Восточной Азии, в Беркли и по телевизору, а не в приморском Коннектикуте. Редакционные статьи в “Эхе Минервы” вечно жаловались на нехватку настоящего активизма. “Тут ничего не происходит, – гласила одна, обыгрывая знаменитые строчки из пес-

³ *The Doors* (1965–1973) – американская рок-группа из Лос-Анджелеса. *Buffalo Springfield* (1966–1968) – американская группа фолк- и кантри-рока. Ниже перефразируются строчки из песни Стивена Стилза, участника последней группы, *For What It's Worth* (*Stop, Hey What's That Sound*) (1966).

ни. – А почему – поймешь не с ходу”.

Не было в студгородке места менее бунтарского, чем общежитие “Теты”. Всего несколько девушек курили траву и ходили без лифчиков, а в остальном землячество представляло собой укромный мирок. Однако именно здесь гораздо отчетливее, чем у них на занятиях, начал проявляться настоящий мир, да так явно, что на него не могли не обратить внимания даже такие девятнадцатилетки, как Линкольн, Тедди и Мики. Автомобили на стоянке за зданием “Теты” были не только приличнее того, что обычно стояло на студенческих парковках, но и лучше преподавательских. Еще страннее – по крайней мере, для молодых людей, родившихся не в зажиточных семьях, – было то, что владелицы этих транспортных средств не очень-то остро ощущали, что им повезло оказаться в Минерве или что их родителям по карману столько платить за образование. Там, откуда приехали эти девушки, Минерва была естественным продолжением первых восемнадцати лет их жизни. Вообще говоря, для многих это была подстраховочная школа, и первый курс у них уходил на то, чтобы преодолеть разочарование от того, что не поступили в Уэслианский, или Уильямс⁴, или какой-нибудь Плющовый. Хотя статистику оценок и стандартного отборочного теста⁵

⁴ Уэслианский (методистский) университет (осн. 1831) – престижный частный университет в Мидлтауне, Коннектикут. Колледж Уильямса (осн. 1793) – престижный частный колледж высшей ступени в Уильямстауне, Массачусетс.

⁵ Стандартизованный отборочный тест (СОТ), проводимый централизованно Советом колледжей, предлагается абитуриентам и студентам, в том числе ино-

для того, чтобы попасть в такие элитарные учебные заведения, они знали, но все привыкли учитывать и другие факторы – о таком не поговоришь вслух, и это невозможно измерить цифрами, но двери это все равно открывает как по волшебству. Но вообще, конечно, и Минерва годилась. Хотя бы попали в дом “Теты”, и то ладно – вот как они на это смотрели. Иначе могли б оказаться в У-Конне⁶.

1 декабря 1969 года – в вечер первой для страны призывной лотереи⁷ – Линкольн убедил комендантшу разрешить халдеям начать ужин на полчаса раньше, чтобы все могли столпиться вокруг крохотного черно-белого телевизора в подсобке, где они ели. С учетом того, что на весах лежали их судьбы, настроение было до странности приподнятым, особенно вначале. Из всех восьми халдеев у Мики дата рождения выпала первой – девятая из 366 вариантов, отчего все остальные хором разразились “О, Канада”⁸, что могло бы получиться у них лучше, знай они остальные слова песни, а не только эти два. Из трех друзей дата Линкольна выпала сле-

странным, при поступлении или переводе в американский колледж или университет.

⁶ Коннектикутский университет (осн. 1881) – общественный исследовательский университет США, располагается в г. Storrs, Коннектикут.

⁷ Призывная лотерея проводилась 1 декабря 1969 г. для отбора призывников, родившихся между 1 января 1944 г. и 31 декабря 1950 г. (призывная система существовала в США с 1947 по 1973 г.).

⁸ *O Canada* (1880) – национальный гимн Канады, музыка Калликсы Лавалье, слова Адольфа-Базиля Рутье и Роберта Стэнли Уира.

дующей – 189; уже неплохо, но все ж не вполне безопасно и планов не построишь.

Пока лотерея длилась – безжалостная барабанная дробь дней рождения: 1 апреля, 23 сентября, 21 сентября, – настроение в комнатке мрачнело. Чуть раньше, пока они подавали ужин девушкам, все были в одной лодке, а теперь их дни рождения превратили каждого в отдельную личность с особенной судьбой, и один за другим они отплывали прочь, назад к своим комнатам в общежитии и съемным квартирам, где станут звонить родителям и подружкам и рассуждать о том, что жизнь у них только что поменялась, у кого-то – к лучшему, у кого-то – к худшему, оценки их, показатели СОТ и популярность внезапно перестают иметь значение. Когда наконец выкликнули день рождения Тедди, они с Линкольном и Мики в подсобке остались одни. Страстно возражая против войны, Тедди в тот день уже говорил друзьям, что скорее отправится в Канаду или сядет в тюрьму, чем пойдет в армию, поэтому для него лотерея не имеет никакого смысла. Но это, конечно, было не совсем правдой. Ему не хотелось в Канаду, и он не был уверен, что, когда дело дойдет до дела, ему достанет необходимой отваги убеждений в знак протеста действительно сесть в тюрьму. Отвлечшись на эти мысли, когда осталось лишь двадцать с чем-то необъявленных дней рождения, он искренне поверил, что его дату уже проехали, а он попросту пропустил – возможно, когда у телевизора поправляли кроличьи уши антенны. Но вот дата

и прозвучала – 322-я из 366. В полную безопасность он не вписался. Протянув руку, чтобы выключить телевизор, Тедди осознал, что она дрожит.

Среди “тет” был десяток с лишним девушек, кого они считали друзьями, но когда троица наконец вынырнула в морозную тьму, у служебного выхода из сестринского клуба ждала лишь Джейси Кэллоуэй, в которую все трое были влюблены. Как только Мики сказал ей – с этой широченной дурацкой ухмылкой, не сходявшей у него с лица, – что он, похоже, едет в Юго-Восточную Азию, она соскользнула с капота машины, на котором сидела, зарылась лицом ему в грудь, покрепче обняла его и произнесла в рубашку:

– Вот козлы-то.

Линкольн и Тедди, которым повезло в тот вечер больше – пусть и не с умом, не с богатством, – когда именно удачи хотелось отчаянно, тем не менее пылко заревновали, увидев девушку своих общих мечтаний в объятиях Мики, и что им с той неудобной правды, что она уже помолвлена совершенно с другим молодым человеком. Как будто удача Мики в тот краткий миг отчего-то значила больше той короткой соломинки, какую он вытянул часом ранее. Тогда, стоило прозвучать дате его рождения, и Линкольн, и Тедди откликнулись с одинаковым тошным чувством: два года назад заправили бросили на Мики один взгляд и назначили на самую дерьмовую халдейскую работу в доме “Тета”, а когда он придет к месту службы, его снова оценят на глазок и отпра-

вят прямым на передовую – мимо такой мишени никакой снайпер не промахнется.

Но вот в эту самую минуту, когда Джейси устроилась в его объятиях, удача Мики не умещалась у них в головах. Вот это и зовется юностью.

Родом Линкольн происходил из Аризоны, где его отец был миноритарным совладельцем мелкого медного рудника, практически истощившегося. Мать родилась в Уэллсли – единственное чадо некогда зажиточной семьи, хотя неизвестно как от фамильного состояния мало что сохранилось к тому времени, как оба ее родителя погибли в автокатастрофе; она тогда уже заканчивала колледж Минерва. Другая дочь возмутилась бы, что от семейного богатства осталось всего ничего после того, как погасили все их долги, но Труди была столь опустошена скорбью, что все остальное вообще не отпечаталось. Тихая девушка, она держалась сама по себе и сходилась с людьми нелегко – и вдруг осталась на свете совсем одна, ни любви больше, ни надежды, а только ужас осознания, что трагедия может настичь и ее столь же внезапно, как и ее родителей. Как иначе объяснить ее решение выйти замуж за Вольфганга Амадея (В. А.) Мозера – шуплого тирана, в чью пользу мало что говорило, кроме его абсолютной убежденности в том, что он прав во всем без исключения.

Но не только Труди удалось ему обвести вокруг пальца. До шестнадцатого своего дня рождения Линкольн тоже на самом деле считал, что отец его, чья раздутая личность рез-

ко контрастировала с миниатюрной статью, и вправду облагодетельствовал мать тем, что на ней женился. Ни привлекательная, ни дурнушка, она, казалось, настолько совершенно растворяется в многолюдных сборищах, что потом никто и не мог припомнить, присутствовала она или нет. Редко возражала, даже мягко, что бы ни сказал или ни сделал ее муж, – даже после того, как они вернулись из свадебного путешествия и он поставил ее в известность, что, *конечно же*, она откажется от своей римской католической веры и присоединится к христианским фундаменталистам, из которых был он сам. Когда она принимала его предложение, по умолчанию подразумевалось, что жить они будут в городке Данбар среди пустыни, где находился рудник Мозера; но предполагала она и то, что время от времени они станут ездить в отпуск – если и не в Новую Англию, которую ее супруг, по его собственному признанию, терпеть не мог, то хотя бы в Калифорнию, да только выяснилось, что и другое побережье ему противно. Он твердо верил – и не преминул ей объяснить – в то, что надо “учиться любить то, что имеешь”, а это у него, похоже, означало Данбар и его самого.

Труди же все и в Данбаре и в мужчине, за которого она вышла, казалось чужим – по крайней мере, поначалу. Сам городишко, жаркий, плоский и пыльный, был беззастенчиво сегрегирован: белые с одной стороны буквальной границы в виде железной дороги, а “мексиканцы”, как их называли – даже тех, кто по закону жил тут больше века, – с другой. Хо-

тя, с ее точки зрения, Данбар был дырой, там имелось все, что требовалось В. А. (для друзей – Вава) Мозеру: дом, где жить, церковь, куда ходить, захудалый загородный клуб, где он играл в гольф. Дома тон задавал муж, слово его – закон. Ее родители обо всем договаривались, поэтому она с удивлением убедилась, что ее брак будет устроен совершенно по другому образцу. Женаты они были уже несколько лет, когда на свет появился Линкольн, поэтому, возможно, время от времени они и спорили о том, как все выйдет (и муж постепенно подчинял Труди своей воле), но у Линкольна сложилось впечатление, что пусть даже мать его и дивилась своей новой жизни, приняла она ее, едва очутившись в Данбаре. Впервые на его памяти она уперлась, когда ему пришла пора подавать документы в колледж. Вава прочил ему поступление в Университет Аризоны – его собственную альма-матер, – но вот Труди, после гибели родителей уехавшая жить в Тусон со своей незамужней тетушкой и там и получившая диплом, настаивала, что их сын будет учиться на Востоке. И не в большом университете штата, а в маленьком гуманитарном колледже вроде Минервы, того самого, откуда она ушла всего за семестр до получения степени.

Спор начался за ужином с того, что его отец провозгласил высоким заунывным голосом:

– Ты же отдаешь себе отчет, что нечто подобное произойдет только через мой труп, не правда ль?

Подобное заявление явно должно было завершить разго-

вор, поэтому Линкольн очень удивился, заметив на материном лице незнакомое выражение, свидетельствовавшее о том, что смертность супруга она рассматривает бесстрастно и смутить ее та никак не может.

– Тем не менее, – произнесла она, и вот это как раз положило конец дискуссии, во всяком случае, пока.

Возобновилась она позже, в родительской спальне. Хотя голоса они старались не повышать, через тонкую стену, разделявшую комнаты, Линкольн слышал, как они опять завели спор, и тот продолжался еще долго после обычного времени, когда его отец, которому нужно было рано вставать на рудник, как правило, засыпал. Когда сам Линкольн наконец задремал, обсуждение еще было в разгаре.

Наутро, после того как отец, сам не свой от недосыпа и непривычного домашнего раздора, отправился на работу, Линкольн лежал в постели и размышлял. Какая муха укусила мать? Чего ради кинулась она именно в эту битву? С его точки зрения, Университет Аризоны был совершенно годным местом. Там учился его отец, и туда к тому же собирались поступать несколько его одноклассников, поэтому там не только чужаки будут. После крошечного Данбара ему не терпелось пожить в Тусоне – крупном городе. А если затоскует, всегда можно смотаться домой на выходные. Пара его одноклассников поступала в калифорнийские колледжи, а вот на Восток никто не переезжал. Мать что, воображает, будто ему хочется оказаться на другом краю страны, где он

никого не знает? И ходить на занятия с теми, кто закончил шикарные частные школы? Да и какая разница? В какой-то миг, уже после того как Линкольн уснул, мать, несомненно, образумилась и осознала тщетность открытого противостояния отцу по этому или любому другому значимому поводу. Порядок уже несомненно восстановлен.

Потому-то он вновь удивился, застав ее на кухне, где она мурлыкала какую-то лихую песенку, а вовсе не куксилась от того, что случилось накануне. Была она еще в халате и тапочках, как почти всякое утро, но вместе с тем настроение у нее казалось необычайно приподнятым, словно она собралась в давно ожидаемый отпускной круиз в экзотические края. Все это до крайности сбивало с толку.

– Думаю, папа прав, – сказал Линкольн, насыпая себе хлопьев.

Мать прекратила мурлыкать и посмотрела ему в глаза.

– И что тут нового?

От этого вопроса Линкольн замер. В конце концов, мать с отцом не всегда же спорят и он не всегда встает на сторону отца. Накануне вечером вообще-то случился первый крупный спор, насколько он мог припомнить. И вот она лезет в другую драку – теперь уже с ним.

– Зачем тратить столько денег? – продолжал он, стараясь говорить взвешенно и объективно, пока наливал молоко себе в хлопья и брал из ящика ложку. Есть он намеревался стоя, как обычно, опершись на стойку.

– Сядь, – велела она. – Ты кое-чего не понимаешь, а уж пора бы.

Подтащив табурет-стремянку из зазора между холодильником и кухонной стойкой, мать взобралась на верхнюю ступеньку. То, что ей понадобилось, лежало на самой высокой полке шкафчика, да еще и в глубине. Линкольн наблюдал за нею в изумлении и, да, – слегка испуганно. Она там прячет нечто такое, чего не хочет показывать отцу? Что? Какую-то бухгалтерскую книгу или, возможно, альбом с фотографиями, тайну, способную пролить свет на то, чего он якобы не понимает? Но нет. Она достала бутылку виски. А поскольку от стойки он так и не отошел, бутылку она протянула ему.

– Мам? – уточнил он, потому что времени было семь утра, да и кто вообще эта посторонняя женщина? Что она сделала с его матерью?

– Сядь, – повторила она, и на сей раз он был рад подчиниться, поскольку у него размякли колени.

Линкольн смотрел, как мать наливает себе в кофе глоток янтарной жидкости. Усевшись напротив, она поставила бутылку на стол, как бы намекая на то, что еще не закончила. Линкольн чуть ли не ждал, что она и *ему* сейчас предложит. Но мать просто сидела и смотрела на него, пока ему отчего-то не сделалось совестно и он не перевел взгляд на свои хлопья, которые уже раскисли.

Суть же была вот в чем. В жизни у них было несколько фактов, о которых он ничего не знал – начиная с рудника.

Ну да, ему известно, что тот буксует, а цена меди за последние несколько лет просела. Каждый год случалось все больше увольнений, а рабочие грозили объединиться в профсоюз, как будто *такому* в Аризоне когда-нибудь бывать. Со временем рудник закроется, и жизнь всех этих людей покатится под откос. Здесь ничего нового. Нет, новым тут было то, что под откос может покатиться и *их* жизнь. Вообще-то она уже катится. Многие из тех роскошеств, какие были у них и каких не имелось у соседей, – бассейн на участке, садовник, членство в загородном клубе, новая машина раз в два года, – появились благодаря ей, пояснила мать, благодаря тем деньгам, которые в этот брак принесла она.

– А я думал... – начал Линкольн.

– Я знаю, что ты думал, – ответила она. – Теперь тебе просто придется научиться думать иначе. И начать прямо сейчас.

Накануне вечером отец предпринял попытку, как обычно, установить закон. Он отказывается платить за то, чтоб его сын получал образование в той части страны, которую он презирает за снобизм и аристократическое высокомерие; того и гляди вернется оттуда проклятым демократом или, еще хуже, каким-нибудь длинноволосым противником войны во Вьетнаме, каких каждый вечер показывают по телевизору. Частное гуманитарное образование на Востоке будет стоить им в пять раз дороже “совершенно годного” образования, какое можно получить, не выезжая из Аризоны. На это мать

ответила, что тут он не прав, – представить только, она ему так и сказала! – потому что стоять оно будет в *десять* раз больше. Она уже позвонила в приемную комиссию колледжа Минерва и знает, о чем говорит. Не то чтоб его как-то это касалось, потому что оплачивать образование сына будет *она*. Более того, продолжала мать, – представить только, *продолжала!* – она надеется, что их сын и *будет* против войны, дурацкой и аморальной, и, *наконец*, если Линкольн пойдет голосовать за демократов, в их крохотной семье он такой будет не один. Так-то.

Хоть Линкольн и любил свою мать, ему не очень улыбалось принимать как данность эти новые экономические заявления – главным образом из-за того, что отца они выставляли в очень неблагоприятном свете. Если она, а не он отвечала за эти “роскошества”, какими они наслаждались издавна, почему же отец позволял ему верить, будто В. А. Мозер – единственный источник их относительного комфорта? Да и эта новая материна повесть не укладывалась в то, что ему рассказывали с детства: да, во времена оные семья его матери была зажиточна, но гибель родителей выявила, что экономический домик у них карточный: скверные капиталовложения, прикрытые непредусмотрительными займами, усыхавшие активы, под которые брались новые и новые кредиты. Даже когда средства истощились, семья продолжала жить на широкую ногу: лето на Кейпе, дорогие зимние отпуска на Карибском море, вылазки в Европу когда заблагорассудит-

ся. Кутилы и пьяницы, они, вероятно, напились в вечер накануне аварии. Они были... да, не отрицай... как *Кеннеди*. Для отцовского образа мыслей в этой истории о глупых декадентах, происходивших из надменного, снобистского уголка страны, о людях, кому неведомо трудолюбие, содержалась мораль: вот они получили наконец по заслугам. Отец едва не заявлял, что спас мать Линкольна от беспутной жизни, но намек и без этого был ясен. А теперь мать утверждает, что знакомая повесть, в которой так долго никто не сомневался, – ложь?

Не совсем, признала она, – но и не вся правда. Да, родители ее вели себя недальновидно, и когда финансовая пыль улеглась, семейное состояние оказалось почти полностью уничтожено, но вот домик в Чилмарке на острове Мартас-Виньярд от кредиторов как-то спасли и оставили ей в доверительную собственность, пока ей не исполнится двадцать один. Почему Линкольн об этом месте никогда не слышал? Потому что когда отец вскоре после их свадьбы о нем узнал, то захотел его продать – чтобы насолить ей, по словам матери, и еще больше отрезать ее от прошлого, а стало быть – еще надежнее привязать к себе. Впервые в их семейной жизни она отказалась выполнить его требование, и ее бескомпромиссность в этом вопросе удивила и встревожила В. А. Мозера так глубоко, что он поклялся – опять же, чтобы насолить, – что ноги его в этом чертовом месте не будет. Именно из-за его упрямства из года в год дом сдавался на летний

сезон, и с каждым годом арендная плата росла, поскольку остров все больше входил в моду; и вот эти деньги как раз поступали на процентный счет, с которого они время от времени что-нибудь снимали на все эти роскошества. А теперь то, что осталось, она собиралась истратить на образование Линкольна.

Ах, дом в Чилмарке. Когда она была совсем девочкой, рассказывала мать, повлажнев глазами от воспоминаний, никакое место на свете не любила она сильнее. На остров приезжали на День памяти, а возвращались в Уэллзли только к Дню труда⁹; они с матерью жили там безвылазно, отец приезжал к ним на выходные, когда там устраивались вечеринки... Да, Линкольн, там *выпивали*, и *смеялись*, и *веселились*... люди толпились на их крохотной террасе, что с дальнего склона смотрела на Атлантику. Друзья родителей вечно суетились вокруг нее, и ей вовсе не бывало обидно, что рядом было немного других детей, поскольку три долгих месяца она упивалась безраздельным маминым вниманием. Все лето напролет ходили они босиком, жизнь наполнилась соленым воздухом, чисто пахнущими простынями и чайками, круживши-

⁹ День памяти павших (также День поминовения) отмечается в большинстве штатов 30 мая в память об американцах, погибших во всех войнах; первоначально День памяти павших в Гражданской войне 1861–1865 гг. Его стали отмечать в южных штатах в 1868 г. День труда – общенациональный американский праздник, отмечаемый в первый понедельник сентября. Традиция зародилась в штате Нью-Йорк в 1882 г. по инициативе “Рыцарей труда”, а в 1894 г. праздник стал официальным. Обычно это последний день длинных выходных, и на следующий день после Дня труда в школах начинается учебный год.

ми над головой. Все полы были в песке, но никто не обращал внимания. Ни разу за все лето не заглядывали они в церковь, и никто не намекал, что это грех, потому что нет, не грех это. *Лето* – вот что это было.

Мать надеялась, что однажды Линкольн так же станет относиться к дому в Чилмарке, необходимые распоряжения она уже отдала: дом по наследству достанется ему, а не его отцу. Ей просто хотелось, чтобы он дал слово не продавать эту недвижимость, если его к этому не вынудит какая-нибудь суровая необходимость, а еще – чтобы он пообещал, что если и *придется* его продавать, выручку он не станет делить со своим отцом, который деньги эти отдаст церкви. Ей самой отказаться от собственной истинной веры, сказала она, – это еще ладно, однако в ее намерения не входит, чтобы Вава постоянно обеспечивал шайку чертовых змеедержателей¹⁰; только не на *ее* деньги.

У матери ушло все утро и несколько кружек кофе, укрепленного виски, на то, чтобы поделиться всеми этими новыми сведениями с сыном, который сидел разинув рот и слушал с замиранием сердца: вся действительность его подверглась зверской перелицовке. Когда голос ее наконец смолк, она встала, покачнулась, произнесла “Ог-го!” и схватилась для равновесия за стол, а потом перенесла кофейную круж-

¹⁰ Имеется в виду практика демонстрации ядовитых змей в подтверждение силы своей веры во время проповедей в некоторых церквях в США, относящихся к Движению святости – течению в протестантизме (методизме) конца XIX в.

ку и миску от хлопьев на сушильную доску и объявила, что, пожалуй, пойдет вздремнет. Когда отец вернулся вечером с рудника, она еще дремала, и Вава разбудил ее поинтересоваться насчет ужина, а она ему ответила, чтоб шел и готовил себе сам. Бутылку виски Линкольн перепрятал в буфете, но отец, похоже, догадался о том, что происходило в его отсутствие. Вернувшись на кухню, он оглядел сына, глубоко вздохнул и спросил:

– Мексиканский?

В Данбаре было всего четыре ресторана, три из них – мексиканские. В их любимом они поели фаршированных чили – в глубоком молчании, которое прервалось лишь раз, когда отец сказал:

– Твоя мать – прекрасная женщина, – так, словно хотел, чтобы эти сведения внесли в официальный протокол.

Все постепенно вернулось в норму – или к тому, что у Мозеров нормой считалось. Мать Линкольна, на какой-то миг обнаружив в себе голос, снова затихла и стала покорной, за что Линкольн был благодарен. Некоторые его друзья жили в домах, которыми правил разлад. В конечном счете, полагал он, у него есть полное право считать себя счастливым. С одной стороны, ему только что досталась какая-то собственность. С другой, хоть это и напряжет его родителей финансово, он, очевидно, отправится на следующий год в элитарный гуманитарный колледж на Восточном побережье, а такого в Данбаре не делал никто. Будем считать это приключением.

Но когда мать объяснила ему все факты их существования, Линкольна они глубоко потрясли. Твердая почва под ногами рассыпалась в песок, а его родители, два самых знакомых ему человека на свете, превратились в чужаков. Со временем он вновь эту почву нащупает, но уже никогда больше не станет доверять ей полностью.

Тедди Новак, тоже единственный ребенок, вырос на Среднем Западе – сын двух задерганных учителей английского в старших классах. Он знал, что родители любят его, потому что они ему сами говорили, когда б он ни спросил, но иногда у него складывалось впечатление, что в жизни у них и так было невпроворот детворы еще до того, как он появился на свет, – и тут вдруг бац, возник *он*, вполне возможно – тот пацан, который сокрушит их дух. Они вечно проверяли домашние работы и готовились к урокам, а стоило ему эти занятия прервать, на их лицах возникали невысказанные вопросы, а именно: “Почему ты вечно спрашиваешь меня, а не своего отца?” и “Разве сейчас не матери очередь? Я в прошлый раз отвечал”.

В детстве Тедди был мелким, щуплым и неспортивным. Спорт ему нравился как *идея*, но когда он сам пытался играть в бейсбол или футбол – или даже в вышибалы, – неизменно хромал домой весь в синяках и шишках, а пальцы у него выгибались под неестественными углами. До такого он дошел самостоятельно. Отец его был высок, но тощ, сплошь локти, колени и тонкая кожа. Кадык торчал так, будто его

позаимствовали у кого-то намного крупней, а одежда, кажется, никогда не бывала впору. Если рубашки оказывались нужной длины, в воротничке хватало бы места для второй шеи, если же воротник был по размеру, манжеты приходились куда-то между локтем и запястьем. Талия двадцать восемь дюймов в обхвате, шов в шагу – тридцать четыре, поэтому брюки нужно было шить на заказ. Посреди лба у него рос шикарный жесткий вихор, окруженный простором бледной веснушчатой кожи. Неудивительно, что ученики звали его Икабодом¹¹, хотя никто не мог в точности сказать, прозвали его так из-за внешности или потому что он особенно любил “Легенду о Сонной Лощине” – первое же произведение, с каким учащиеся знакомились в курсе “Американский характер”, который был его визитной карточкой для старшеклассников. В этом рассказе особенное удовольствие ему доставляло то, что ученики гарантированно не улавливали суть, а он им затем ее разъяснял. Им нравилась чертовщина Всадника без головы, а когда выяснялось, что он вовсе не сверхъестественен, их это огорчало. И все равно концовку рассказа – когда типичный американец Бром Бонс одерживает верх, а претенциозного школьного учителя Икабода Крейна позорят и выгоняют из города – они считали глубоко удовлетворительной. Требовалась кое-какая силовая гим-

¹¹ Герой готического рассказа “Легенда о Сонной Лощине” американского писателя Вашингтона Ирвинга (1783–1859), долговязый, нелепый человек с преувеличенно хорошими манерами. Здесь и далее все имена и реалии приводятся по пер. А. Бобовича.

настика, чтобы убедить их, что на самом деле рассказ этот – обличение американского антиинтеллектуализма, который Вашингтон Ирвинг полагал центральным для всего американского характера. Как раз выведя неверное заключение о цели и смысле этого рассказа, они, сами того не ведая, становились предметом насмешки – ну, или так утверждал отец Тедди. В особенности трудно было убедить в этом школьных спортсменов, которые, само собой, отождествляли себя с Бромом Бонсом – сильным и пригожим, нахальным, хитрым и туповатым; ему доставалась самая хорошенькая девушка в городке – точно так же, как они окручивали девчонку, танцевавших в группе поддержки. Где же тут сатира? Для них рассказ этот был о естественном отборе. *Даже* если он и сатирический, явно не отцу Тедди, такому нелепому с виду мужчине, об этом говорить. Он заслуживает, полагали мужланы, судьбы, сопоставимой с той, что постигла Икабода Крейна.

Мать Тедди тоже была высокой, нескладной и костистой, и когда они стояли с мужем рядом, их нередко принимали за брата и сестру, а иногда – и за близняшек. Самой выдающейся ее чертой была выпирающая грудь, по которой она постоянно пристукивала, как будто ее неотступной спутницей была хроническая изжога. Замечая это, люди часто отшатывались от нее, чтобы внезапно не вырвалось наружу то, что она пыталась в себе примять. Но хуже прочего для Тедди было то, что родители его, судя по всему, относились друг к

дружке примерно так же, как к ним относился окружающий мир, хотя само существование Тедди намекало, что, должно быть, некогда это было не так. Слишком уж хорошо осознавая свою физическую непривлекательность, оба, казалось, находили утешение в своей чрезмерной чуткости друг к другу, в своей способности изрекать непреложно твердые мнения, начисто при этом игнорируя чужие, – именно этот талант, увы, обрел и несчастного Икабода Крейна.

С младых ногтей Тедди ощущал, до чего сильно отличается от прочих детей, и сносил одинокую судьбу свою безропотно.

“Они тебя не любят, потому что ты умный”, – объясняли родители, хоть он и не говорил им, что его не любят, он только упоминал, что ему странно, как будто некое справочное руководство по мальчишеству раздали всем мальчикам, кроме него. Если же он пытался вести себя как они, дело часто заканчивалось каким-нибудь увечьем, и он в основном сидел в безопасности дома и читал книжки, что очень нравилось его родителям, которых отнюдь не тянуло гоняться за ним или даже волноваться о том, где он может быть. “Он *обожает* читать”, – неизменно объясняли они другим родителям, изумлявшимся круглым пятеркам Тедди. А *обожал* ли он читать? Сам Тедди не был в этом так уж уверен. Родители гордились тем, что у них нет телевизора, поэтому если нет товарищей, что ж еще делать? Само собой, он предпочитал чтение вывихам лодыжек и переломам пальцев, но

едва ли это превращало чтение в страсть. Мать с отцом воодушевленно ждали того дня, когда перестанут преподавать и проверять тетради, а будут целыми днями только и *делать*, что читать, сам же Тедди надеялся, что у него возникнет какое-нибудь новое занятие, которое ему понравится, но не закончится травмой. Пока же, ну да, – он будет читать.

В его первый год в старших классах случилось странное: внезапный рывок в росте, он вытянулся на несколько дюймов и набрал тридцать фунтов. Буквально в одночасье он сделался выше на полголовы, а плечи у него стали намного шире, чем у отца. Еще поразительней то, что он обнаружил в себе подвижного, изящного баскетболиста. К следующему году он уже умел закладывать мяч в корзину в прыжке – единственный во всей команде, – а его броски с отклонением от кольца при таком-то росте почти невозможно было блокировать. Он вошел в школьную команду и стал ведущим забивающим, пока не пошел слух, что ему не нравится драться. Если его толкали, Тедди отступал, а умелый тычок локтем под ребра его обескураживал, и он даже не приближался к “трапеции”, где как нападающему, сказали ему, Тедди самое место. От всего этого тренер бесился невероятно и высмеивал даже броски Тедди с отклонением от кольца, считая их трусостью, хотя команда с гарантией зарабатывала на них от двенадцати до пятнадцати очков за игру.

“*Врезайся* в них! – орал, бывало, он, когда Тедди околачивался у верхушки штрафной зоны, терпеливо дожидаясь

своего броска. – Будь же мужчиной, чертов бздун!”

Когда же Тедди все равно проявлял недостаточно склонности врезаться, тренер велел одному из игроков прессинговать Тедди на тренировках как можно агрессивнее, чтобы как-то его закалить. Нельсон был на голову ниже, но сложен, как танк, и получал большое удовольствие от того, что Тедди от него отлетал, когда Нельсон прорывался по трехсекундной зоне при назначенных бросках. Тедди пожаловался, что Нельсон нечестно с ним играет, тренер же рявкнул в ответ: “Ну и ты нечестно с ним играй!” Но Тедди, конечно, не стал.

Нельсон и вправду так проникся своими обязанностями играть жестко, что пристрастился пихать Тедди плечом под ребра и в коридорах на переменах, отчего тот врезался в шкафчики и ронял учебники.

– Бром Бонс! – сказал отец, распознав жизнь по литературе, когда Тедди описал ему, что происходит.

Спасение тут, на взгляд предка, было очевидно: бросить команду и тем самым отвергнуть стереотип американского самца как безмозглого мужлана. Тедди же рассматривал это не совсем так. Баскетбол он любил как бесконтактный вид спорта – таковым, по убеждению Тедди, баскетбол поистине и был. Ему хотелось получать мяч у верхушки “трапеции”, затем качнуть плечом, чтобы обмануть защитника, а дальше – разворот и бросок с отклонением от кольца. Шорох мяча, проходящего в корзину, не касаясь обода, был таким же совершенством, как мало что в его юной жизни.

Карьера его в школьной команде завершилась предсказуемо, хотя предскажи такой конец сам Тедди, он бы, вероятно, внял отцовскому совету и ушел из команды. Однажды на тренировке, когда он намеревался сделать подбор, Нельсон сделал ему подсечку, и Тедди рухнул на копчик. В результате образовалась волосная трещина позвонка, которая, по словам врачей, могла бы оказаться намного серьезнее. Но даже с такой травмой он сел на скамью запасных до конца сезона. Среди тех десятков книг, которые он перепахал, пока выздоравливал всю весну и лето, попалась “Семярусная гора” Томаса Мёртона¹², от которой у него почему-то возникло такое же ощущение, как и от чистого броска в корзину. Дочитав книгу, он спросил у родителей – верующими не были оба, – можно ли ему ходить в церковь. Те ответили ему типично: они не возражают, если он не рассчитывает, что они станут ходить туда с ним. По воскресеньям утром они обычно читают “Нью-Йорк таймс”.

Раз Мёртон был монахом-траппистом, Тедди сперва попробовал католическую церковь, но священник там оказался таким, что отец Тедди тут же определил бы его как антиинтеллектуального – даже, скажем, болвана, столь далекого от монашеского идеала, что и представить сложно, поэтому следом Тедди зашел в унитарную церковь кварталом дальше.

¹² Томас Мёртон (1915–1968) – американский поэт, монах-траппист, богослов, преподаватель, публицист, общественный деятель, проповедник дзэн-католицизма. “Семярусная гора” (1946, опубл. 1948) – его автобиография, рус. пер. С. Высоцкой.

В той служила женщина, учившаяся в Принстоне. Во многих смыслах она напомнила Тедди его родителей, вот только сам он оказался ей по-настоящему интересен. Женщина была симпатичной и вовсе не костлявой, поэтому он в нее, разумеется, влюбился. Все еще под воздействием Мёртона он старался сохранить эту любовь в чистоте, но почти каждую ночь засыпал, воображая, как она может выглядеть под мантией и эпитрахилью, а Мёртон, что-то подсказывало ему, так думать бы не стал. Пришло время, ее перевели в другой приход, Тедди погоревал – и вздохнул с облегчением.

Еще через год ему разрешили снова заниматься баскетболом, но в команду он не вернулся, отчего тренер, встречаясь с ним в коридорах, всякий раз бормотал “бздун” себе под нос. Либо это, либо “гондон”, Тедди не был уверен. К собственному удивлению, он поймал себя на том, что ему, в общем, наплевать, что о нем думает тренер, хотя, возможно, это ему было и не совсем безразлично, поскольку в то же лето, сразу перед тем, как Тедди отправился в Минерву, тренер, не выключив мотор газонокосилки, попытался высвободить ветку, застрявшую между ножом и рамой, и умудрился отхватить себе верхний сустав того пальца, что он именовал “кискин щекотун”. Услыхав об этом, Тедди невольно улыбнулся, хотя стало ему при этом и стыдно. Сочинение на вступительных экзаменах он написал о Мёртоне и сомневался, что монах получил бы удовольствие от страданий другого человека, – ровно так же, как тот бы не стал долги-

ми ночами, подобно Тедди совсем недавно, воображать хорошенькую унитарную священницу без облачения. Вместе с тем Мёртон не был знаком с обсуждаемой персоной, а до своего обращения, судя по всему, был довольно-таки гульлив. Кроме того, думал Тедди, нет причин предполагать, будто у Бога нет чувства юмора. В дела людские Он не вмешивается, говорили Тедди, и не *вынуждает* людей поступать так или иначе, но в том, что касалось самого Тедди, тот факт, что тренер потерял кончик своего “кискина щекотуна”, не мог Его не развеселить.

Мики Джирарди происходил из невежественного рабочего района Уэст-Хейвена, Коннектикут, знаменитого своими качками, “харли” и праздниками нацменов на весь квартал. Родители его были из ирландцев и итальянцев, старик – строительный рабочий, мать – секретарша в страховом агентстве, и оба глубоко привержены ассимиляции. Флаг они вывешивали далеко не только на Четвертое¹³. Ветеран Второй мировой, отец мог бы воспользоваться преимуществами “солдатского билля”¹⁴, но знал парня, который мог бы его устро-

¹³ Четвертое июля – День независимости, основной государственный праздник США, отмечаемый в честь принятия Декларации независимости в этот день в 1776 г. Впервые отмечался в Филадельфии в 1777 г., в Бостоне – в 1783-м.

¹⁴ “Солдатский билль о правах” – ряд законов об обеспечении солдат, демобилизованных после войны. Здесь имеется в виду закон 1944 г., который предусматривал бесплатное медицинское и санаторное обслуживание, а также образование для ветеранов, включал выплату займа в 4 тыс. долларов на покупку дома, фермы и иной собственности, пособие в размере 20 долларов в неделю сроком на один год для безработных ветеранов, а также другие виды помощи.

ить в профсоюз водопроводчиков, а это, прикинул он, гораздо лучше. Мики был самым младшим из восьмерых детей, остальные семь все девчонки, избаловали они его до крайности, во многих отношениях: и одежду особо покупали, и комната у него была своя с малых лет. Ладно, размером с чулан – но что с того? Семейный дом у них был большой, без этого никак, но жили они скромно всего в трех кварталах от пляжа – летом это здорово, когда от воды дует прохладный ветерок. А вот если ветер меняется, возникает ощущение, будто живешь под ближайшей автотрассой, такой громкий шум от транспорта. Воскресные ужины – дома, никаких отговорок. Спагетти с колбасой и тефтелями, свиная лопатка, тушенная в томатном соусе. Рецепт матери Майкла-старшего, неохотно переданный ирландской невестке, но один-два ключевых ингредиента утаены – для контраста. Сперва семья, потом Америка – а нынче, может, и наоборот, раз уж столько неопрятных волосатиков размахивают своим дебильным символом мира; все остальное же – на далеком третьем месте.

Для Мики же на первое место встала музыка. На своей первой в жизни работе он подметал музыкальный магазин в торговом центре, увидел в витрине “Фендер-Стратокастер”¹⁵ и влюбился. После гитары возник усилочек. В тринадцать уже

¹⁵ *Fender Stratocaster* – модель электрической гитары, разработанная в 1952–1954 гг. Лео Фендером, Биллом Карсоном, Джорджем Фуллертоном и Фредди Таваресом.

играл в группе. К шестнадцати украдкой проникал в сомнительные бары Нью-Хейвена и отирался там с парнями постарше, чьи подружки не носили лифчиков и, похоже, с удовольствием раскрывали этот секрет, нагибаясь перед самым носом у Мики, который позднее в шутку говорил Линкольну и Тедди, что весь 1965-й провел со стояком.

– Узнюю, что ты с этими парнями принимаешь наркотики, – предупредил отец, – и ты станешь первым пацаном в Америке, кого забьют до смерти гитарой “Фенсон”.

– “Фендер”, – поправил его Мики.

– Тащи ее сюда, умник. Прямо сейчас все и сделаем. Чего тянуть.

Меньше всего на свете Мики хотелось поступать в колледж. В школе он вечно барахтался между “посредственно” и “паршиво”, но все его сестры либо поступили, либо собирались, и этого хотелось матери. План был – общинный колледж¹⁶, а жить дома. Мистер Полегче, звала его мать. Всегда выбираешь путь наименьшего сопротивления. Мики считал, что она права. Он и впрямь не до ужаса честолюбив. Однако в упор не видит, что тут плохого – остаться в Уэст-Хейвене. Сестры разъезжаются, места хоть отбавляй, кроме воскресений и праздников.

¹⁶ Общинный (местный) колледж – двухгодичное среднее специальное учебное заведение, обучение в котором финансируется местными властями и рассчитано на удовлетворение местных нужд в специалистах средней квалификации. Преимущество таких колледжей – в относительно невысокой плате за обучение и в том, что в них легче поступить.

К сожалению, даже для поступления в местный колледж нужно было сдавать стандартный отборочный тест, и вот однажды субботним утром Мики пошел и сдал. Не желая разочаровывать мать тем, что станет единственным пацаном, кого не возьмут в общинный колледж, потому что он тест не пройдет, накануне вечером он отказался от сейшена и действительно хорошенько выспался. Прикинул, что вреда не будет, если разок попытается. За учебу там платить нужно немного, а если ему будет удаваться перехватить несколько долларов на учебники и текущие расходы, еще и старик будет доволен.

Когда выдали результаты, мать встретила отца в дверях.

– Ты погляди, – сказала она, показывая на ведомость сына, оказавшегося среди первых двух процентов. – Парнишка гений.

Поскольку Мики был единственным парнишкой в комнате, отец огляделся, не прячется ли где-нибудь другой.

– Какой парнишка?

– Этот, – ответила мать. – Твой сын.

Отец поскреб голову.

– Вот этот, что ли?

– Да. Наш Майкл.

Отец пригляделся к результатам теста, затем к жене, а следом к Мики, затем опять к жене.

– Ладно, – произнес наконец он. – Отец кто? Мне всегда интересно было.

На следующий день Майкл-старший все еще пытался разобраться.

– Сходим прогуляемся, – сказал он, вцепившись мясистой лапой в плечо Мики. Отойдя от дома на квартал, чтоб точно никто не услышал, он произнес: – Ладно, выкладывай все как есть, и я честно не стану злиться. Кто за тебя тест сдавал?

Мики почувствовал, как у него задергался левый глаз.

– Знаешь что, пап? – начал он.

– Больше ни слова, – предостерег отец.

– Пошел ты, – завершил свою мысль Мики.

Старший остановился и воздел руки.

– Ты все-таки сказал. – После чего отвесил сыну подзатыльник – так сильно, что у того слезы из глаз брызнули. – Подсоби-ка, я понять хочу. Ты утверждаешь, что тест сдавал честно?

Мики кивнул.

– Значит, говоришь, что ты умный.

– Ничего я тебе не говорю, – ответил Мики.

– А разве ты мне не говоришь, что все это время мог хорошо учиться в школе и мать могла бы тобой гордиться?

Тут Мики понял, что если посмотреть на все под таким углом, блистательности у его почти безупречных оценок за тест поубавится. Пожал плечами.

– О чем мы думали? – произнес отец, обращаясь скорее к себе, чем к сыну. – Так хорошо было с девчонками.

– Извини, – произнес Мики.

– Ладно, слушай сюда, потому что теперь все будет вот так. Ты пойдешь в колледж и дашь там жару. Не обсуждается. Или мать будет тобой гордиться, или домой не возвращайся.

Мики начал было возражать, но тут же поймал себя на том, что не уверен, хочется ли ему. Он и сам все еще не свыкся со своими замечательными результатами теста и уже начал думать дальше общинного колледжа. Когда в средней школе Уэст-Хейвена разнеслось известие о его тесте, некоторые бывшие учителя останавливали его в коридоре. “А что тебе говорили?” – вот все, что им хотелось уточнить. Поэтому Мики теперь не стал возражать старику, а ответил:

– Можно я буду учиться музыке?

Отец глянул на небо, затем – на него.

– Ну почему тебе *всегда* нужно искушать судьбу?

– Значит, мне можно учиться музыке?

– Хорошо, – ответил старший. – Хоть гитарам “Фенсон” учись, мне-то что.

Мики подумал было его поправить, но отец заметил верно. Мики и *впрямь* всегда искушал судьбу.

Так каковы были шансы, что этих троих поселят в один блок общежития для первокурсников в колледже Минерва на побережье Коннектикута? Потому что дерни за одну нитку в ткани человеческой судьбы – и все распустится. Хотя можно сказать, что все и без того распускается.

Линкольн

Сентябрь на острове был лучшим месяцем. Толпы рассеялись, пляжи пусты, океан еще теплый. Не нужно бронировать столики в ресторанах. После Дня труда все политики возвращались в О. К.¹⁷, леваки из Голливуда и СМИ – в Л.-А. и Нью-Йорк. Кроме того, пропадали все самонадеянные привилегированные студиясы – многие из них считали себя демократами, но во благовремение вольются в общий поток республиканцев. Половина лас-вегасского агентства Линкольна – или того, что от него осталось после Великого Спада, – состояла из “сигм-хи”¹⁸, в шестидесятых и семидесятых они носили длинные волосы, курили дурь и выступали против войны. А теперь стали жестоковейными консерваторами – во всяком случае, держались жестче Линкольна. Ему – самому пожизненному республиканцу – нынче с трудом удавалось отыскать утешение где бы то ни было в политическом спектре. Голосовать за Хиллари – об этом не может быть и речи, но если не она, то кто? Чертова дюжина кандидатов ВСП¹⁹ еще не сошла с дистанции – по крайней мере,

¹⁷ Округ Колумбия.

¹⁸ “ΣΧ” (с 1855) – одно из самых крупных мужских студенческих землячеств в Северной Америке.

¹⁹ “Великая старая партия” – второе название Республиканской партии США с положительной коннотацией. Республиканцы стали использовать это название

в Айове некоторые очевидно глупы, другие просто придуриваются. Значит, наверное, Кейсик²⁰. Пресность, возможно, не так уж и плохо. Вспомните Эйзенхауэра.

Как бы там ни было, приятно отложить политику на несколько дней. Линкольн почти не сомневался, что Тедди, приезжающий завтра, по-прежнему неистовый либерал, хотя сейчас вряд ли скажешь, у Клинтон он в лагере или у Сандерса²¹. Мики? А он вообще голосовал когда-нибудь? Вероятно, и о Вьетнаме в беседе лучше не заикаться. Война несколько десятков лет назад закончилась, да не тут-то было, для мужчин их возраста она продолжается. То была их война, служили они в армии или же нет. Хотя память его нынче до крайности ноздревата, Линкольн еще помнил тот вечер в 1969-м, когда все халдеи собрались в подсобке общаги “Тета” смотреть призывную лотерею по крошечному черно-белому телевизору, который кто-то ради этого принес. Просили они разрешения посмотреть на большом экране в обеденном зале? Вероятно, нет. Общественные границы сестринств, как и многое другое в культуре, уже начали размываться, о чем свидетельствовали их регулярные пятничные вечеринки, но

после Гражданской войны.

²⁰ Джон Ричард Кейсик-мл. (р. 1952) – американский политик-республиканец, писатель, телеведущий; в 2011–2019 гг. – губернатор штата Огайо, безуспешно выдвигал свою кандидатуру на президентских выборах 2000 и 2016 гг.

²¹ Бернард (Берни) Сандерс (р. 1941) – американский независимый политик, близкий к Демократической партии, безуспешно выдвигал свою кандидатуру на президентских выборах 2016 и 2020 гг.

все равно могли неожиданно где-нибудь возникнуть. Халдеи по-прежнему проникали в корпус через черный ход. Да и вообще призыв был не для “тет”, а для Линкольна, Тедди, Мики и прочих. Восьмерых юношей, чьи судьбы тем вечером повисли на волоске. Пара из них ходила на свидания с “тетами”, как на следующий год сложится у Линкольна с Анитой, и вечером они собирались увидеться со своими девушками, а вместо этого смотрели лотерею по дрянному телику в подсобке, а не на большом цветном в обеденном зале, потому что в подсобке им самое место – как и на войне.

Из этого они тоже раскачали вечеринку – все скинулись на ящик пива, против всяких правил, но повариха не наступит, уж в такой вечер точно. Правило было, что пить можно, только когда выпадет твой день рожденья и ты узнаешь свою судьбу. У Мики дата выпала первой – до ужаса рано. Номер 9. Отчего Линкольн до сих пор мог припомнить эту подробность, хотя время столько всего другого вывалило в мусорку памяти? Еще он помнил, как его друг встал, воздев руки, словно боксер-победитель, как будто рассчитывал именно на такой исход. Подойдя к алюминиевой ванне, вытащил изо льда пиво, чпокнул крышкой и высосал половину за раз. Затем, вытирая рот рукавом, ухмыльнулся и произнес:

– А у вас, ребята, во рту, должно быть, совсем пересохло. – Еще Линкольн помнил, как бросил взгляд на Тедди и заметил, что у того от лица вся кровь отхлынула.

В этих наглядных воспоминаниях, однако, отсутствовало

то, как держался он сам. Влился ли в хор прочих, исполнявших в честь Мики канадский государственный гимн? Хохо-тал ли над кошмарными шуточками (“Был рад знакомству, Мик”)? У него было смутное – возможно, ложное – воспо-минание о том, как он в некий миг отвел Мики в сторонку и сказал: “Эй, дядя, до этого еще долго”. Потому что даже те, кому выпали маленькие номера, не получают весточки от призывной комиссии еще много месяцев, а студентам колледжей разрешалось закончить тот учебный год. Большинству студентов предпоследнего курса, кто был на хорошем счету, а Линкольн, Тедди и Мики были, предоставлялась отсрочка для получения степени, а уж потом им следовало явиться на службу. Может, к тому времени война закончится, а если да-же и нет, то поутихнет.

В тот же вечер Линкольн позвонил домой, рассчитывая, что трубку возьмет мать, хотя, само собой, ответил отец.

– Мы смотрели, – произнес он гнусаво и пронзительно, что лишь усиливалось дребезжащей междугородней свя-зью. – Я так и говорил твоей матери, за сто пятьдесят они не перейдут. – Как и все отцовы мнения, это выражалось как бесспорный факт.

– Если, конечно, ты не ошибся и перейдут, – ответил Лин-кольн, осмелев, возможно, от того, что между ними три ты-сячи миль.

– Но я не ошибся, и не перейдут, – заверил его Вава – вероятно, чтобы развеять страхи Линкольна, хотя сын часто

задавался вопросом, не служат ли утверждения его отца какой-то иной, менее явной цели. С тех самых пор, как мать посвятила его в истину о семейных финансах, отцовы заявления начали выводить его из себя. – Как у остальных Балбесов вышло? – поинтересовался Вава. (Линкольн рассказал родителям, что они с Тедди и Мики, так не похожие на приговишек Минервы с богатыми предками, стали считать себя Тремя мушкетерами, на что отец его тут же отозвался: “Скорее уж вы Три балбеса”²².)

Линкольн сглотнул.

– Мики загребли. Номер девять.

– Дурацкая это война, – признал отец. – Но справедливой тут не дождешься.

Линкольн предположил, что Вава с ним согласен, но все равно раздражало: чего это он так легкомысленно относится к тому, что касается его друзей.

– А как бы ты отнесся к тому, если б я поехал в Канаду? – осторожно спросил он.

– Ничего хорошего. – Утверждение прозвучало без запинки, как будто Вава ожидал этого вопроса, серьезно его обмозговал и ему, как обычно, не терпится поделиться своими выводами. – Как только поступишь так – ты мне не сын и мы с тобой не разговариваем. Я тебя в честь Авраама Линкольна называл не для того, чтоб ты стал уклонистом. А у Братца

²² *The Three Stooges* (“Три балбеса”, 1922–1970) – американский комедийный ансамбль с переменным составом.

Эдварда как дела?

Так он прозвал Тедди, который летом гостил у них в Данбаре. Матери Линкольна он сразу же понравился, а вот на Ваву впечатления не произвел. Глубокое убеждение В. А. Мозера сводилось к тому, что единственный раунд в гольф проявит все, что нужно знать о характере человека, и в Тедди он разобрался у первого колышка, когда тот не снял с руки часы. Вольфгангу Амадею ничто так не нравилось, как вывести из песчинки целый мир. Однако, если вдуматься, Линкольн сомневался, что случай с наручными часами имеет какое-то отношение к отцовым сомнениям по части его друга. Скорее всего, Тедди просто ляпнул что-нибудь провокационное о войне или заметил, что все члены Загородного клуба Данбара белые, а обслуга – латиносы.

– Тедди пронесло, – ответил Линкольн. – У него триста с чем-то.

– И то хлеб. Даже представить себе не могу, какая польза будет от этого мальчишки в бою. – *Или где угодно*, казалось, добавил он.

Говорил ли в тот вечер Линкольн с матерью вообще? И снова память его, как идейный отказник, служить не желала.

А вот что живо *отпечаталось* в мозгу у Линкольна – тот миг, когда все три Мушкетера вынырнули из корпуса “Тета” и обнаружили, что их прекрасный д’Артаньян дрожит за домом на декабрьском холоде. Точно так же, как помнил он позорную мысль, непрошено проникшую ему в голову: “Везет

же некоторым!” – когда Джейси обняла удивленного Мики и крепко прижала его к себе. Одного взгляда на Тедди хватило бы понять, что он думает то же самое.

Джейси. Пропала с этого самого острова. В День памяти, 1971 год.

Еще было довольно рано, когда в пятницу в пристань Виньярда ткнулся паром. Линкольн должен был добраться еще накануне вечером, но из-за гроз в О’Хэйре в Бостон он прилетел с задержкой, а когда арендовал машину и доехал до Вудз-Хоула, то уже опоздал на последний рейс. Подумал было позвонить Мики, который жил поблизости, но тот упоминал, что его группа вечером где-то играет, поэтому делать ничего больше не оставалось – только вписаться в мотель неподалеку от паромной переправы. Отправил электронку Аните, что добрался благополучно, и хотел сходить в город посмотреть, не открыто ли еще что-нибудь, где можно поужинать, но за дорогу он вымотался, поясница разнылась, и вместо ужина решил лечь спать. Скорее утомленный, чем сонный, лежал он в затхлом номере, размышляя, какие еще разрушения причинило его друзьям безжалостное время – ну и, само собой, каким они увидят его. Уже... сколько – *десять лет* прошло с тех пор, как виделись они в последний раз? Нет, не совсем, потому что на встрече выпускников Минервы все обсуждали тот поразительный факт, что Америка выбрала черного президента. “Слава богу, есть именные бирки”, – думал, помнится, он. И Аните слава – вот кто, по-

хоже, без всяких хлопот узнавал тех, с кем не виделась целую вечность, хотя, возможно, она следила за ними в Фейсбуке или заблаговременно их гуглила. Всякий раз, когда она представляла Линкольна кому-нибудь из своих сестер по “Тете”, он только и мог, что сдержаться и не ляпнуть: “Да ладно. Что, правда?” Мужчины, казалось, сохранились лучше, хотя время наказало и их. Особенно сдали спортсмены. При последней встрече Тедди все еще был подтянут, лицо не сморщилось, если не считать гусиных лапок возле глаз, но волосы у него поредели после болезни, которую ему, похоже, не очень хотелось называть. Тут ничего удивительного. Он всегда скрытничал насчет своей личной жизни. У Мики же копна волос по-прежнему была темна и кудрява, ее лишь чуть тронуло солью, и волосы он носил все еще длинноватыми, но у него выпирало пивное брюшко – оно не стало бы его определяющей чертой, не будь в Мики почти шесть футов роста. Его привлекательность всегда была эдакой потасканной разновидности, но теперь Линкольну показалось, что Мики побывал не в одной барной драке. А может, и правда побывал. Хотя обычно великан он был кротчайший, вожжа иногда попадала ему под хвост – и тогда берегись.

Как в тот раз, когда они отправились в корпус “Сигмы-альфы-эпсилона”²³. В предвыпускной год? Трое начинающих “САЭвцев” ради выполнения некоего ритуала посвящения вломились в пятницу к ним на халдейскую вечеринку

²³ “ΣΑΕ” – североамериканское студенческое братство, основанное в 1856 г.

с “тетями” и в благодарность за то, что их не вышвырнули, пригласили всю компанию вечером к себе на попойку. Мики идти туда не советовал.

– Если пойдем, – предупредил он, – будут неприятности.

Бессмыслица какая-то. “САЭвцы” в тот день никаких хлопот не чинили, и приглашение показалось достаточно искренним. Но Мики, выдувшего уже столько пива, что он то и дело ронял на пол кухни намыленные кастрюли, никак было не отговорить от его пророчества “попомните мои слова”. В конце концов, невзирая на его мрачные сомнения, остальные убедили его пойти – на тот случай, если он окажется прав и неприятности *действительно* произойдут. Если все накроется медным тазом, разумно держать Мики под рукой.

Чтоб набраться храбрости, Линкольн, Тедди, Мики и прочие халдеи вернулись к себе в общежитский блок, опустошили кег, после чего всем гуртом отправились к братству. Дома остался лишь Тедди – он утверждал, будто от отвратительного поварихиного бефстроганова у него крутит в животе, хотя Линкольн заподозрил, что причиной вероятнее была возможность потасовки. Парадную дверь корпуса “САЭ” с обеих сторон сторожили крупные каменные львы, и Мики, нетвердо держась на ногах, поставил на голову ближайшему пустую пивную банку. Изнутри доносилась громкая музыка, и они не понимали, как вообще кто-нибудь услышит их звонок в дверь. Но кто-то услышал – к счастью, тот же новичок, что сегодня побывал у них на вечеринке. Парнишкой он был

немаленьким, почти как Мики, и вид его предполагал, что пил он с тех самых пор беспрерывно. На опознание потребовался пьяный миг, но затем студентик распахнул дверь и воскликнул:

– Господа! Входите же!

И тут Мики сделал шаг вперед и двинул его кулаком в лицо. Если только Линкольна не подводила память, они все так и остались стоять в дверях, глупо воззрившись на вырубленного пацана, пока наконец кто-то из халдеев не хлопнул Мики по плечу и не сказал:

– Ну, ты и *впрямь* нас предупреждал.

К следующему утру все в корпусе “Тета” уже знали о происшествии, и сразу начались разговоры о том, чтобы всех халдеев уволить. Джейси в ярости заявила к ним в общежитие и забарабанила в дверь. Линкольн и Тедди, осоловелые с похмелья, только что встали, но вид разъяренной Джейси быстро пробудил их окончательно.

– Где он? – спросила она, отталкивая их с дороги, и тут же, когда они ей не ответили достаточно быстро: – Ладно. Сама найду.

Темная вонючая берлога Мики была из тех мест, куда обычная “тета” по собственной воле никогда не зайдет, но Джейси отнюдь не была обычной. Если и присутствовала в ней хоть капля брезгливости, Джейси ничем ее не выдала, даже когда обнаружила Мики лицом вниз поверх одеяла в одних трусах. Говорить ничего не стала, только пнула кровать,

жестко, отчего лежавший на ней застонал, но не проснулся. Все удалось со второго пинка, посильнее.

– Боже. – Мики заморгал на Джейси в полумраке. – Тебя кто сюда пустил?

– Оставьте-ка нас на минутку, – велела она Линкольну и Тедди, те смиренно попятились в коридорчик, и Джейси пинком захлопнула дверь.

Довольные тем, что их отпустили, они с Тедди вышли во внутренний дворик, где в металлической ванне еще плавал вчерашний алюминиевый кег.

– Его надо вернуть, – произнес Тедди, как будто обязанность эта в заданных условиях имела первостепенное значение. – Нам депозит отдадут.

– Ну, – подтвердил Линкольн, однако не двинулся с места. Несколько минут спустя Джейси вынырнула с очень бледным и виноватым Мики на буксире. (“Она смотрела, как он одевается?” – задумался Линкольн.)

– Пошли, – велела она.

– Куда? – счел необходимым уточнить Линкольн.

– Вы идете в корпус “САЭ” извиняться.

Оба они сосредоточились на Мики, а тот лишь пожал плечами, как бы признавая, что ему выбирать не приходится. Словно им троим ну никак не одолеть эту девушку в честном поединке.

– Меня там вообще не было, – заметил Тедди.

– Один за всех, – напомнила ему Джейси, – и все за од-

ного.

Когда они добрались до корпуса “САЭ”, пивная банка, во-
друженная Мики на голову льва, по-прежнему стояла на ме-
сте. Линкольн помнил, как они поднимались по ступенькам
и звонили в дверь, но далее память сморгнула. Должно быть,
они пробормотали свои извинения, но кому? Тому парниш-
ке, которого стукнул Мики? Президенту землячества? Ми-
ки-то сам вообще открывал рот или всю ответственность на
себя взял Линкольн как старший халдей? Приняли ли у них
извинение?

Наверняка все дело в том, что на обратном пути в обще-
житие гнев Джейси улетучился, словно воздух, выпущенный
из шарика.

– Вообще-то это и *правда* смешно, – признала она, резко
пихая Мики локтем. – И ты правда даже не поздоровался?
Просто двинул ему в лицо?

Мики опять пожал плечами.

– Говорят, да.

– А потом вы все взяли и сбежали? А тот бедолага так и
остался лежать в вестибюле?

– Казалось, это лучше всего, – пояснил Линкольн. – Вече-
ринка у них была в цоколе, а музыка играла очень громко.

Мики фыркнул – память его оживилась.

– Кот Стивенз²⁴. Ну кто станет слушать этого блядского

²⁴ Кот Стивенз (Стивен Деметр Георгиу, впоследствии – Юсуф Ислам, р.
1948) – британский рок-музыкант. Ниже упоминается его песня *Peace Train*

Кота Стивенза, кроме гомиков из “САЭ”?

– Ты так и рвался спуститься туда и вырубить их всех, – продолжал Линкольн, – но мы тебя отговорили.

Джейси покачала головой:

– Я не понимаю другого – отчего ты вообще так взъерил-ся?

– Не знаю, – вынужденно ответил Мики. – Но помню, что эти ебаные львы мне очень не понравились. – Все втроем остановились и уставились на него, пока он пристыженно не пожал плечами. – А может, все из-за Кота Стивенза. Поди угадай.

На этом Джейси расхохоталась, отчего все почувствовали, что им тоже разрешили. Ржали они всю дорогу до общаги, и одна веселость на всех отбросила весь этот случай в прошлое. Во дворике Мики выровнял кег, выудил из воды использованный стаканчик, вылил из него опивки и сунул под краник, отчего все остальные поморщились. Когда изнутри зашипел только воздух, Мики вздохнул и бросил стаканчик обратно в воду.

– Наверное, пора прибраться, – сказал он. Явно в это занятие он намеревался включить и Джейси. – Берем каждый по комнате. – Как всегда бывало после халдейских вечеринок, все комнаты общежития были замусорены пластмассовыми стаканчиками и крошками картофельных чипсов, а все плоские поверхности покрыты пивными кольцами.

– С чего вдруг мне чистить этот ваш отвратительный сви-
нарник? – спросила Джейси.

– Все за одного, – напомнил Мики. *Своей* “комнатой” он,
очевидно, выбрал внутренний дворик и уже собирал стакан-
чики.

– Один за всех, – как по команде отозвались Линкольн и
Тедди.

– При одном условии, – сказала она.

Мики покачал головой.

– Никаких, нахер, условий.

– Одно условие, – упорствовала девушка.

– Ладно, одно. – Во всем, что касалось Джейси, Мики все-
гда сдавался быстро.

– Никого больше не бить.

– Только мне или всем нам?

– Только тебе.

Мики нахмурился от несправедливости такого договора,
но в конце концов произнес:

– Хорошо.

– Честное слово?

– Честное.

– Тогда ладно. – И Джейси нагнулась за стаканчиком.

– *“Поезд мира все громче”*, – спел Тедди, которому Кот
Стивенз вообще-то нравился.

– *“И мыыыыы плывем на нем”*, – вступили остальные –
опять Мушкетеры.

Как же *молоды* были они. Как глупы. Что бы подумала Джейси, увидь она их сейчас? – задумался Линкольн. Три чертовых старика.

Несмотря на ранний час, он решил заехать в Эдгартаун, прежде чем двинуть вглубь острова. Может, Мартин из тех риелторов, кто приезжает в контору пораньше. А если его еще нет, Линкольн позавтракает в городе – пропустив ужин накануне, он проголодался, – а потом зацепит кое-какого провианта в лавке навынос: вина для Тедди, пива для Мики, а себе хорошего односолодового, пусть выпивоха из него теперь не ахти.

Городок оказался на редкость оживлен, и парковка в гавани битком, но ему повезло: кто-то сдавал задним ходом с одного места, как раз когда Линкольн заехал на парковку. В “Островной недвижимости” было темно, на двери табличка ЗАКРЫТО, но Линкольн заглянул сквозь стекло внутрь. “Не надо так делать, – посоветовала ему Анита с другого края страны. – Если там закрыто, значит, закрыто”. По мнению жены, Линкольн терпеть не мог отказов. “Потом вернешься, когда *откроется*. Не будь как отец, не жди особого к себе отношения. Если внутри кто-то есть и сидит в темноте, значит, не хочет, чтобы его тревожили”.

А в глубине конторы кто-то *сидел* – мужчина примерно возраста Линкольна. Устроился над газетой, расстеленной на столе, в левой руке дымящаяся кружка кофе; вероятно, как раз тот человек, к кому Линкольн и пришел. “Пусть себе чи-

тает газету, – стояла на своем Анита. – Ты же видишь табличку ЗАКРЫТО, верно? Контора откроется только через сорок пять минут. *Не надо*, бога ради, стучать в стекло”.

Линкольн постучал. Ну как тут не постучать. Ладно, может, это и *взаправду* значит, что он сын своего отца. Будь Анита здесь вживую, он бы чувствовал себя обязанным оспорить такое заявление, но ее тут нет. Он тут один, а значит, может быть кем угодно – даже единственным потомком Вольфганга Амадея Мозера из Данбара, Аризона.

Вздрогнув от стука (“Видишь? Ты его напугал. Объясни-ка мне еще разок, почему ты так себя ведешь”), мужчина внутри поднял голову, заметил Линкольна и встал – даже вымучил улыбку, пока пробирался между конторскими столами. Отпирая и открывая дверь, произнес:

– Вы похожи на человека, которого могут звать Линкольн Мозер.

– А потому, – ответил Линкольн, пожимая ему руку, – вы будете Мартин.

Тот подтвердил, что так оно и есть.

– Вообще-то, – сказал он, включая верхний свет, – я вас науглил.

– Есть только один Линкольн Мозер?

– В Большом Лас-Вегасе двое, но второй – черный директор средней школы.

– Да, у черных многих зовут Линкольнами. Но не думаю, что мой отец в аризонской глуши знавал хоть одного.

– А то бы передумал?

– Такое случается редко.

– Кофе хотите?

– На пароме пил.

– Это значит, что больше вам нельзя?

– Вообще-то да. – В действительности существовала отчетливая возможность того, что почти непроходящее расстройство желудка, которым Линкольн мучился последние дни, было симптомом еще не диагностированной язвы, истоки которой уходят к финансовому краху 2008 года. Впрочем, это может быть всего-навсего кислотная отрыжка, какая прилагается к старению. Жена его – поскольку женщина – хотела в этом вопросе ясности, сам же Линкольн, женщиной не будучи, от неопределенности избавляться пока не торопился.

– Я думал, вы вчера приедете, – произнес Мартин.

– Должен был, но задержали мой рейс, и я опоздал на последний паром.

– Терпеть такого не могу. Но сейчас-то вы уже тут. Вы ж не затем пришли, чтобы сказать мне, что передумали и не хотите выставлять дом на продажу, надеюсь?

– Нет, я просто хотел заглянуть познакомиться. Но городок все еще бурлит.

Мартин кивнул.

– С каждым годом сезон все больше расширяется. Старичье отовсюду съезжается автобусами. Семьи с детишка-

ми-дошколятами. На выходные – если погода хорошая, как сегодня. Раньше весь остров запирали на День труда. А теперь только в День Колумба²⁵.

– Местным неплохо.

– Наверное, – ответил тот, как будто у него на этот счет имелись какие-то сомнения. – В общем, я пару дней назад был в Чилмарке и быстренько проехал мимо. Славное у вас там местечко. Если правильную цену назначить, может продаться секунды за две.

– Определяете, даже не заглянув?

– Честно? – сказал Мартин. – Почти у самой Акуинны, да еще и на участке такого размера? Многие покупатели сочтут, что это сразу под снос.

Линкольн поймал себя на том, что поморщился.

– Вы только что обидели мою мать, а она много лет уже мертва.

– Простите.

Линкольн отмахнулся.

– Не стоит извиняться. Я сам в этом бизнесе.

– Коммерческий, я читал? На Западе все еще скверно?

– В Вегасе начинаем понемногу оклемываться. Только недостаточно быстро.

– Не мое дело, но вы продаете дом, потому что подперло?

²⁵ День Колумба отмечается в ряде штатов США 12 октября в ознаменование первой высадки Колумба на Багамских островах в 1492 г., эта дата считается днем открытия Американского континента. Первое официальное празднование было организовано в 1792 г. Обществом св. Таммани.

– Нет, потому что *может* подпереть. А если подопрет, то продать надо будет секунды за две.

– Я спрашиваю только потому, что там может быть пристойный приток дохода. Я же понимаю, вы в сезон его сдаёте?

Линкольн подтвердил и сообщил название управляющей компании, которая всем занимается.

– А вы с семьёй сами там не живёте?

Линкольн покачал головой.

– У нас шестеро детей. Для католиков три спальни и одна ванная – этого и близко не достаточно.

– Кто-то из них ещё дома живёт?

– Младший выпустился в прошлом году.

– Значит, вы, по сути, свободны. Могли бы с женой здесь на пенсии поселиться.

– Не-е, мы убежденные западники.

“Один из нас, во всяком случае”, – услышал он голос Аниты отчетливее некуда. Линкольн у нас из таких, по мнению жены, – это ещё один способ сказать, что он сын Вавы. Уж точно несправедливая критика. Саму Аниту, конечно, может, и пересадили с Востока, но вот дети их – старшие уже со своими семьями, у них свои дети – расселились по всему Западному побережью от Сан-Диего до Сиэтла. Как бы ни любила Анита остров с тех пор, как они еще его навещали, она ни за что не согласится жить в трех тысячах миль от своих детей и внуков. До спада они не собирались расставаться

с этим местом, время от времени намеревались ухватывать неделю-другую отпуска. Родственники Аниты по-прежнему жили в западном Массачусетсе, и она не теряла связи с парочкой своих сестер по “Тете”, осевших в Новой Англии. В общем, неверен здесь ничей расчет...²⁶

– Когда я вернулся в контору, – говорил меж тем Мартин, – меня уже ждало сообщение одного вашего соседа – он желал знать, не выставляете ли вы дом на продажу. Должно быть, заметил логотип у меня на машине. Зовут его...

– Мейсон Троер, – договорил за него Линкольн. – Уже много лет домогается, чтобы я продал. Понятия не имею, зачем ему. У него участок и так в два раза больше, чем во времена его родителей.

– Хотите догадку? Ваш он переоборудует в пансион, а потом продаст оба. Вместе они встанут дороже, чем поодиночке. Что может оказаться полезно вам.

Об этом Линкольн не думал. Слишком долго занимался коммерческой недвижимостью.

– Могу ли я поинтересоваться – он ваш знакомый?

– Ни разу не встречался. Просто знаю про него.

– Мудак он.

Мартин хмыкнул.

– Такова общепринятая точка зрения. Вероятно, он сде-

²⁶ Парафраз строки из стихотворения шотландского поэта Роберта Бёрнса “К полевой мыши, разоренной моим плугом” (*To a Mouse, on Turning Up Her Nest With the Plough*, 1785), пер. М. Михайлова.

дает вам предложение, не успеем мы внести вашу собственность в реестр. Чтобы не платить комиссионных.

Это, тут же распознал Линкольн, вероятно, был пробный шар – собеседник замерял, из тех ли людей Линкольн, кто клюнет на такое предложение.

– Я же говорю. Гаденыш.

Судя по виду, Мартину легче от этого не стало – он нахмурился.

– Что?

– Мой вам совет – не злите его. У него репутация.

– Его вы тоже науглиили?

– Этого и не нужно. Остров у нас маленький. В Чилмарке люди от него подальше держатся.

– Я намерен поступать так же, – заверил Линкольн.

– Во сколько ваши друзья приедут?

– Один сегодня попозже. Другой завтра утром.

– А уедут?

– В воскресенье или понедельник.

– Но понедельник утром у нас по-прежнему в силе?

Линкольн ответил, что да. Когда они встали и пожали друг другу руки, вновь встряла Анита: “Хотя бы извинись”.

– Простите, что прервал ваш утренний кофе, – произнес он уже на пути к двери.

– Все в порядке. Пора и день начинать.

– Жена часто обвиняет меня в невнимании к другим. Среди прочего.

– Ну и радуйтесь этому, пока есть возможность. Моя вот в прошлом году умерла.

Линкольн вздохнул.

– В этом она тоже меня обвиняет: все время что-то не то говорю.

Мартин улыбнулся.

– Мы все могли бы стать священниками.

Дом в Чилмарке стоял на кочковатом живописном участке в два акра, что спускался к Стейт-роуд, а дальше – к Атлантике, сегодня идеально голубой под ясным небом. Выйдя на заднюю террасу, откуда все это было видно, Линкольн первым же делом подумал: “Не-а. Только идиот станет все это продавать”. Опустив два пакета с провизией на покоробленный стол для пикников, он уселся на верхней ступеньке и долго любовался видом, а потом позвонил Аните.

– Мы не можем это продать, – сказал он ей, когда она приняла вызов.

– Ладно, – ответила она.

– В каком это *смысле* – “ладно”? Придется. – В конце концов, вопрос же не только в том, чтоб им самим вновь встать на ноги после кризиса. Их детям помощь тоже понадобится. Они с Анитой рады были помочь, но, пока помогали, их собственные финансы зашатались. Возможно, все у них будет и ничего, если наперекосяк не пойдет что-то еще, но оно ведь может. – Мы же согласились.

– А теперь я снова соглашаюсь.

Тут он сделался брюзглив.

– Ты где? – Спросил, потому что на другом конце слышался какой-то гам.

– В суде. Проветриваюсь. Может, придется быстро отключиться.

– Считаешь, следует рискнуть и не продавать? Просто понадеяться, что худшего не произойдет?

– А мы разве не тем же самым занимались, когда случилось худшее?

– Верно, – согласился он.

– Как там погода?

– Солнце. Семьдесят два градуса²⁷. Тут вся неделя такая должна быть. Приехала б ты сюда ко мне на пару деньков.

– Было б неплохо.

– Мы разве оба не должны были выйти на пенсию... сколько, два года назад?

– В такие дни, как сегодня, я хоть сейчас.

– Мартин говорит, что нам так и надо поступить. Выйти на пенсию и поселиться тут, в этом самом доме. Если дети захотят нас видеть, пусть прыгают в самолет. Нам уже пора снова начать думать о себе, говорит Мартин.

– Кто такой Мартин?

– Наш риелтор. Мудрый человек.

– И я не ошибусь, если предположу, что ничего подобного этот Мартин на самом деле не говорил?

²⁷ По Фаренгейту. Около 22 °С.

– Не совсем. Это что – выстрел?

– Кто-то стойку опрокинул. Надо бежать, Линкольн.

Звук его имени на устах жены, как обычно, следовало смаковать. Как большинство давно женатых пар, друг дружку они называли в основном ласкательными обозначениями. Казалось, что его настоящее имя Анита приберегала для кратких, но интимных мгновений. Его дозированное употребление, казалось, дает понять, что – хотя бы с ее точки зрения – он по-прежнему тот же человек, каким был, когда она произнесла: “Я, Анита, беру тебя, Линкольн”. Ну и пусть седина, кислотная отрыжка и онемевшая поясница.

– Ладно, потом поговорим.

– Нам не *нужно* продавать, но, вероятно, следует.

– Ясное дело.

И все же, отключаясь, он не мог не подумать о своей матери – как любила она девочкой проводить здесь лето. “Там *выпивали*, и *смеялись*, и *веселились*... Все лето напролет ходили босиком... Все полы были в песке, но никто не обращал внимания... Ни разу за все лето не заглядывали в церковь”.

Продать – это предать? Ей точно не хотелось бы, чтоб он терял свою компанию или подвергал близких – это обширное и все еще растущее племя – риску. Но что, если наследством она намеревалась испытать его? Несомненно же наблюдала – как и Анита, – что с каждым годом он, черт бы его драл, все больше напоминает собственного отца. Не столько в том смысле, что они с отцом во всем соглашались, сколь-

ко в смысле темперамента и инстинкта. А ну как дом этот служил напоминанием о том, что он и ее сын, а не просто клон Вольфганга Амадея Моцера? Что не совсем чужой он этой женщине, что носило по свету, точно ветерок, которому едва ли хватит сил позвякать ветряными колокольчиками? Мысль эту, осознал он, сидя на ступенях дома, с которым мать отказалась расстаться, вероятно, вызвало то, что ветряные колокольчики действительно болтались здесь со свесов, колыхались от мягкого ветерка. Как правило, Линкольн был не склонен к фантазиям, но сейчас помимо своей воли подумал, уж не заговорила ли с ним сама мать?

Вдали закрипела на несмазанных петлях сетчатая дверь. Ниже по склону и чуть правее располагался громадный “коттедж” Мейсона Троера, крытый серым гонтом, и терраса у него чуть ли не в два раза превосходила ту, что была в 1971-м. Родители Троера были приятными, скромными и приличными людьми, они бы нипочем не одобрили показной реконструкции, затеянной сыном. Но в том-то все дело. Старшие Троеры давно на том свете, а были они милыми людьми или нет, не имеет значения. Дом оставили Мейсону, предположительно – чтоб распорядился им как заблагорассудится.

На террасу вышла голая женщина – слишком далеко, и Линкольн не сумел определить ее возраст, но, вероятно, за сорок, – в руке высокий бокал, растянулась на шезлонге. Мгновение спустя возник мужчина, покрупнее и постарше – Линкольн был уверен, сам Троер, – тоже голый, дверь снова

захлопнулась за ним, ее хлопок долетел долю секунды спустя. Что-то в его позе, в том, как он выгибал туловище, предполагало: он знает, что за ним наблюдают, а возможно, просто надеется на это. Он замер на миг, а затем повернулся и посмотрел вверх по склону. Когда Линкольну пришло в голову, что Мейсон может и помахать, он быстро встал и подхватил пакеты с припасами, а раскаты далекого хохота влетели за ним в материнский дом.

Тедди

Тедди подумал было выйти на верхнюю палубу парома и впитать остатки теплого сентябрьского солнца, но в итоге предпочел кабинку в вентилируемом буфете, где лучше ловится вай-фай и удастся поработать. Почти все решения его нынче были точно так же утилитарны и не имели ничего общего с принципом удовольствия. Идти на ровном киле, как он знал по своему долгому опыту, всегда лучше. Избегай *Штурма-унд-Дранга*²⁸. Взбирайся не слишком высоко, опускайся не слишком низко. Так ему иногда удавалось отвлечь припадки – он не знал, как их еще назвать, – пока они за него не зацепятся. Порой они проявлялись как полномасштабные панические атаки, ураганы, что трепали его день-другой, пока их не сдувало в море, а другие спускались на него как состояния фуги и расползались, словно области низкого давления, на неделю или больше. А были еще и такие, что предварялись некоей эйфорией, когда глубоко ощущалось, будто вот-вот произойдет что-то чудесное, возникал намек на остроту понимания, даже мудрости. Таких приступов он боялся больше всего из-за их последствий – когда действительность восстанавливалась, а обещанное озарение

²⁸ “Буря и натиск” (*искаж. нем.*) – немецкое литературное движение XVIII в., характеризовалось резкостью и эмоциональностью, в переносном значении – сильные эмоциональные всплески.

так и не возникало; приступы эти казались настоящим помешательством.

Опасаясь, что как раз такой и мог с ним случиться, он всерьез раздумывал, не отклонить ли ему приглашение Линкольна и нанести вместо этого визит в монастырь. Брат Джон всегда бывал рад его видеть, а еще у него был полный комплект фильмов братьев Маркс, который, подозревал Тедди, мог оказать более целебное воздействие, чем молитва и пост вместе взятые. Одно Тедди знал наверняка: за прошедшие годы монастырь провел его через многие участки бурных вод – а возможно, и не дал загреметь в психушку. Но в последнее время он стал как-то сомневаться в действенности своих периодических затворов. В молодости такие отъезды контрастно оттеняли его жизнь в миру. Однако за годы мирское монашество вползло в его повседневную жизнь, поэтому два мира больше не сильно-то и различались.

Не поспоришь, эта поездка на остров – в обществе старых друзей и под аккомпанемент воспоминаний о юности – была рискованна, потенциально угрожала его с трудом достигнутому равновесию. Господи Иисусе, шестьдесят шесть лет. Он надеялся, что к нынешнему времени ему не придется постоянно быть настороже, что надо еще немного подождать, и безумие – потому что к нему припадки, по сути, и сводились – сойдет на нет. В конце концов, угасание ведь естественно. Неужто дух, наконец-то освобожденный от многих юношеских императивов тела и поддержанный мудростью опыта,

не воспарит наконец? Разве памяти, тирану и поработителю, не полагается стать мягче и податливей?

Но это лишь на выходные, а их он, вероятно, переживет. Удовольствия там будут достаточно скромны. Утренние прогулки по грядам холмов Чилмарка. Днем поездки на велосипеде. В холодильнике стынут пиво и белое вино, хотя ему со спиртным надо бы поосторожней. Линкольну, вероятно, захочется на каком-то рубеже вписать в расписание девять лунок. В субботу вечером Мики, очевидно, собирался затащить их в какой-то кабак в Оук-Блаффс послушать местную блюзовую команду, но в остальном, похоже, ничего особенного и не планировалось. Время пролетит быстро. Бояться нечего, как говорится, кроме самого страха.

И все равно лучше не терять бдительности, поэтому он не пойдет наружу смотреть, как далекий остров вырастает, пока не заполнит весь кадр действительности, а потратит эти сорок пять минут с пользой. Рукопись, которую он редактировал, была до крайности несовершенна. Даже одобряя книгу к изданию, он знал, что пожалеет о своем решении; если и удастся как-то сгладить ее недостатки, книга эта никак не поддержит “Семиярусные книги” – его убыточное мелкое издательство, специализирующееся, как на то указывает само его название, на религиозной и “духовной” литературе в объеме где-то полудюжины названий в год. Предприятие родилось десять лет назад, когда коллега по имени Эверетт попросил Тедди глянуть на монографию, которую он никак не

мог никуда пристроить. Тедди ее прочел и тут же понял, почему у нее нет издателя. Книгу скверно продумали, ее самая оригинальная и убедительная глава захоронена где-то в середине, а кроме того, как большинство ученых, Эверетт не тянул на одаренного стилиста. И все же книга оказалась по своему примечательно ловка, а то, что с нею было не так, Тедди считал делом поправимым.

– Расскажи, как поправить, – взмолился Эверетт, когда его поставили об этом в известность. В том году он собирался занять место в Сент-Джозефе, их маленьком католическом колледже, и шансы у него были невелики. По его собственному признанию, преподаватель из него никудышный, хотя студенты считали, что до настоящей никудышности ему еще пыхтеть и пыхтеть. Последние четыре года он уворачивался от заседаний в разных комитетах, отговариваясь тем, что пишет книгу. Если же книга не выйдет...

Но вот в чем состояла загвоздка: улучшить-то книгу можно, однако Тедди сомневался, что Эверетт сам на это способен. Технические недочеты – их была масса – можно сравнительно легко исправить, но вот то, что на *самом* деле было с книгой не так, произрастало из глубины образования и всего опыта его коллеги, из тех занятий, какие он посещал и пропускал, из его естественных способностей, его слепых пятен. Одним словом – из его природы. Тедди ощущал, что именно в этом все дело – гораздо чаще, чем писатели осознают. Конечно, он мог указать Эверетту на самые вопиющие недоче-

ты, дать несколько советов, и если он им последует и прилежно возьмется за работу, где-то к этому же времени через год книга сделается лучше, пусть, возможно, и останется по-прежнему далекой от совершенства. Да и вообще какая разница? *Года* у этого парня не было. Еще девять месяцев – и получит пинок под зад.

– Отдай мне ее на месяц, – предложил Тедди. Дело происходило в конце июля, и на август он ничего не планировал. Хуже того – улавливал, что падает его собственное барометрическое давление. Ему нужна какая-то задача, нечто требующее от него все внимание тридцать дней, но не дольше.

– *Отдать* ее тебе? – переспросил Эверетт.

– Ну да, – подтвердил Тедди. – На диске.

Глаза Эверетта с подозрением сощурились.

– Я не смогу заплатить...

– Не нужны мне твои деньги, – заверил его Тедди.

– Что же тебе *нужно* тогда?

Как ни странно, в точности этот же вопрос Тедди задавал себе почти всю свою взрослую жизнь – и убедительного ответа на него не обрел. Первым, однако, задал его научный руководитель в колледже Минерва – ему хотелось знать, в чем Тедди намерен специализироваться. Не в состоянии решить, он выбрал общеобразовательный курс, разработанный не столько для ответа на вопрос, сколько для отсрочки этого ответа. Согласно секретарю колледжа, к тому времени, как Тедди окончил учебное заведение, он прослушал больше

курсов по большему числу академических дисциплин, чем любой другой студент в истории Минервы. Том Форд, его любимый преподаватель, сказал, чтобы Тедди из-за этого не волновался, но Том, разумеется, был ягодой одного с ним поля. Себя называл “последним из универсалов” и руководил гуманитарной программой, а в ее рамках читал курс по “Великим книгам”, но еще преподавал и “особые темы” по английскому, философии, истории, искусству и даже естественным наукам. Главным образом он изобретал занятия, которые ему самому хотелось бы посещать, когда был студентом. Тедди ходил к нему на столько лекций, что Мики пошутил: он единственный студент Минервы, который специализируется по Форду. Только на старшем курсе Тедди пронюхал, до чего скверно относятся к его наставнику коллеги. Он так и не поднялся выше звания адъюнкт-профессора, потому что не только сам ничего не опубликовал, но и ко-со смотрел на тех, кто публикует. Их книги, заявлял он, – доказательство того, насколько мало они знают, до чего узка их осведомленность. Том Форд больше всех прочих позволял Тедди удовлетворять любопытство, не рассчитывая на то, что это принесет какие-то дивиденды в смысле профессионального успеха. “Настанет день, – написал он под одной работой Тедди, – и, не исключено, вы действительно сочините что-то такое, что стоит прочесть. Я бы вам советовал откладывать такой день как можно дольше”.

Мысль о том, что он способен написать книгу, которую

небессмысленно читать, Тедди понравилась, и он представлял себе, что если последует совету и примеру Тома, то и правда настанет такой день, когда ему подвернется подходящая тема. Вот только она так и не подвернулась. На беду, ни один его интерес не ощущался насущнее другого, и в пользу обоих можно было много чего сказать. Возможно, для Тедди и не имелось нужной дисциплины – или же, наоборот, подходящими были все, что, как ни иронично, означало то же самое. Со временем он стал подозревать, что ему не достает одержимости, а средства от этого, очевидно, не имелось. Будь он лошадь, тренер надел бы на него шоры, сузил бы ему поле зрения. Мало того, интеллектуальная любознательность вовсе не то же самое, что талант, и Тедди постепенно пришел к пониманию, что его главная способность – чинить что угодно. С младых ногтей он располагал интуитивным пониманием того, как и почему всякое сходит с рельсов, а равно и того, как это обратно на рельсы поставить. Ему очень нравилось все разбирать и снова собирать. Большинство людей терпеть не могут поставленные им кем-то задачи, тем паче сложные, а вот Тедди как раз получал от них удовольствие. Потому-то ему так приглянулся замысел починить книгу Эверетта.

На это ушел весь август. Закончив, он сунул рукопись в факультетский ящик Эверетта в пятницу днем; в понедельник утром, когда Тедди пришел в студгородок, Эверетт сидел на полу у кабинета Тедди, уставившись в пространство

перед собой, а книга лежала у него на коленях. Он поднял голову, и Тедди увидел, что коллега совсем пал духом. От всеобъемлющих изменений, которые внес туда Тедди? От того, до чего мало осталось в книге от него самого? Вероятно, и от того и от другого.

– Ну и ну, – произнес Эверетт. – Фуфло я, да?

Стоя над ним, Тедди ощущал на удивление мало сочувствия. Он вызвался починить книгу – и починил ее. Ожидалось, что он еще и станет ограждать ее автора от самобичевания?

– А зайди-ка ты ко мне в кабинет, Эверетт, – сказал он. – Детвору пугаешь.

Внутри коллега рухнул на стул, поставленный для студентов, а на лице у него осталась та же смесь изумления, страха и злости, какую Тедди распознавал у учащихся, желавших, чтоб им объяснили оценку. Для довершения картины Эверетт спросил то же, что спрашивают обычно они:

– Все *правда* так плохо?

– Ну...

– Нет, я в смысле... ты изумительно все сделал, – произнес он, шелестя страницами рукописи. – Название твое гораздо лучше моего. Все стало вообще гораздо лучше. Просто... я не знаю... Она больше не *моя*.

– Твоя, конечно, – заверил его Тедди.

Эверетт с надеждой перевел на него взгляд:

– Да?

– Отправляй.

– Издателям? Не уверен, что стоит.

– Ты же раньше отправлял.

– Это да, но они решат...

– Они решат, что ты ее отредактировал. Это книге и требовалось. Редактура. Мы то же самое своим студентам говорим, верно? Редактируйте, редактируйте, редактируйте.

– Ну, наверно, – отозвался Эверетт, хотя Тедди не мог определить, соглашается ли он с тем, что да, он тоже своим студентам такое говорит, или же ему наконец пришло в голову, что совет может быть и впрямь полезным. – В общем, – продолжал он, – я тебе должен...

Тедди подождал, чтобы он закончил мысль – бутылку вина? ужин в хорошем ресторане? добрую трепку? – но тот, похоже, так и не смог. В конце концов встал и просто воздвигся с рукописью над мусорной корзиной, и Тедди на миг почувствовал, что он намерен швырнуть туда всю пачку листов.

– Знаешь, это смешно, – сказал Эверетт, хотя одного взгляда хватило бы, чтобы понять: то, что он скажет дальше, смешным совсем не будет. – Когда мне присвоили степень, я думал, что покончил с этим чувством.

– С каким?

– Собственной неполноценности.

– Тебе полегчает, когда опубликуют, – сказал Тедди.

– Ты так считаешь?

– Считаю. На обложке будет твое имя. Ты получишь долж-

ность. Именно это имеет значение, правда? – Ладно, Том Форд считал, что как раз не имеет, но он был белой вороной даже в семидесятых. Таким же анахронизмом, какой Тедди сейчас.

К концу недели Эверетт, похоже, переборол в себе уныние – хотя бы настолько, чтобы последовать совету Тедди и вновь предложить книгу. К сожалению, ответной почтой рукопись вернулась с запиской от издателя, где говорилось, что они уже один раз отвергли это произведение и пересматривать свое решение не намерены. В последующие недели его примеру последовало еще с полдюжины издательств, и Эверетт вновь упал духом.

– Какой-то ужас, – сказал он Тедди. – Ты так старался.

Тедди тоже было неприятно, хотя ему-то в этой бочке дегтя как раз виделась ложка меда. С его точки зрения, даже если “Проект Бог” (название, которое он придумал книге) и не увидит свет, тот месяц, что он потратил на приведение рукописи в порядок, отнюдь не пошел псу под хвост. Тедди за это время обнаружил в себе кое-что. Ему понравилось как исправлять книгу на макроуровне, так и микро-редактировать – фразу за фразой, одну запятую за другой: осуществлять тонкую настройку текста, от какой у большинства вянут мозги. Том Форд, поощрявший Тедди строить карьеру в журналистике, кроме того, еще и говорил ему, что он не только хорошо пишет, но и располагает превосходными навыками диагноста и редактора. Ему до сих пор просто не к

чему было их применить.

Под конец той же осени Тедди пошел на благотворительный вечер в бальный зал крупной гостиницы в центре города – на таких мероприятиях преподавателям рекомендовали общаться с влиятельными выпускниками и жертвователями. Главным докладчиком выступала новый президент Сент-Джозефа Тереза Уиттиер – привлекательная женщина средних лет, явно смешанного происхождения, Тедди с нею еще не познакомился. Она была первой миряночкой, возглавившей колледж, наняли ее, чтобы она разобралась с финансами заведения, которые уже не первый десяток лет пребывали в медленном, но неуклонном упадке. В своем кратком выступлении она сообщила слушателям, что первые два месяца семестра собирала мнения преподавателей, сотрудников и выпускников о том, какие новые дерзкие инициативы колледж может предпринять, окончательно не банкротя при этом – и тут публика засмеялась – то, что осталось от банка. Учреждения, заявила она, – совсем как личности. Склонны двигаться по накатанному.

“Вас понял”, – подумал Тедди. На вечер он и сам пришел, надеясь выбраться из собственной колеи. Его ежедневная рутина – провести занятия и отсидеть присутственные часы, сходить на долгую прогулку во второй половине дня, ранним вечером откупорить бутылку вина и допить ее за одиноким ужином, затем на весь остаток вечера устроиться с романом или каким-нибудь старым фильмом по телевизору –

была удобна и даже доставляла удовольствие, пусть и никак не воодушевляла; тот самый ровный киль, к которому он всегда стремился. Однако в последнее время несколько знакомых, отметив, как часто отказывается он от светских приглашений, начали осведомляться, не депрессия ли у него. Он это сам себе придумал или же в таких вопросах тянется след подразумеваемой критики? Не предполагают ли эти люди, что на его месте у *них* бы уж точно развилась депрессия? Или же им взаправду не все равно? *Депрессия* ли у него?

Ладно, однако назовите мне во всей истории человечества хоть одно имя того, кто воспрянул бы духом от посещения благотворительного банкета. Стоя в очереди в гардероб в конце вечера и стараясь припомнить такого человека, Тедди ощутил, как его похлопывают по плечу, повернулся – перед ним стояла Тереза Уиттиер.

– Ну хорошо, – произнесла она, – а у вас-то каков великий замысел?

За вечер он выпил три бокала вина, а потому без колебаний ответил:

– “Семиязычные книги” – маленькое издательство, выпускающее умные книги на религиозные темы.

– А вы сами будете?..

Тедди вынул и показал ей именную бирку на шнурке, которую сунул в карман, как только его впустили в бальный зал.

– По-моему, я познакомилась со всем постоянным препода-

давательским составом, Тедди.

– Я непостоянный состав, – пояснил он.

– Что – как запасной товар в одежном магазине? – осведомилась она, вздев бровь.

– Ну как бы. Адъюнкт-препод.

– А, ясно. Грязный секретик академии. Черета годовых назначений?

– Зависит от потребностей.

Бровь взлетела вторично.

– А вы этим, кажется, не обижены.

– Мне не нужно ходить на факультетские собрания. Это же чего-то стоит, правда?

– Резонно. Так опишите мне те книги, какие мы станем издавать.

– Теология, рассчитанная на мирянина. Ничего громоздкого. Где-то между верой и добрыми делами. Воспоминания.

– Как у Мёртона.

Он кивнул.

– Может, и роман время от времени. Даже поэтический сборник, если стихи в нем будут подходящие.

– А кто станет решать, подходящие они или нет?

– Я. Вообще-то я уже знаю, что издать в первую очередь.

Называется “Проект Бог”.

– Можно почитать?

– Занесу вам в кабинет.

– А попутно прикиньте бюджет.

Когда ей выдали пальто, он помог ей надеть его.

– Давненько уже так никто не делает, – заметила она, про-
скальзывая в рукава.

– Надеюсь, вас это не оскорбило? Нынче же почти всё ко-
го-нибудь оскорбляет.

– Нет. – Она улыбнулась. – Но если откроете мне дверь,
это уже будет перебор.

– Ага. Понял, никаких дверей.

На следующей неделе она его вызвала.

– Ладно, – произнесла она, протягивая рукопись “Проекта
Бог”.

– Ладно?

– Ладно, Сент-Джо будет финансировать “Семярусные
книги” с вами как главным редактором.

– Ничего себе.

– Я побеседовала с вашим автором, – продолжала Тереза,
ухмыляясь. – Он из *постоянного* состава. Я так понимаю, вы
его своей критикой несколько взъерошили?

– Внутри там пряталась хорошая книга. Я просто помог
ее найти.

Похоже, она приняла его объяснение, но необязательно за
чистую монету. Обсудив какие-то практические подробности
и процедуры, она сказала, что Тедди может приступить к
учреждению издательства. Когда они пожимали друг дружке
руки, Тереза вопросительно глянула на него и сказала:

– Станный вы человек, Тедди.

Он подумал было ответить ей, что странновато как раз так отзываться о человеке, с которым недавно познакомился.

– В каком отношении?

– Это ваше обычное свойство – таскать бирку с именем в кармане? Чтобы люди не знали, кто вы?

– Довольно-таки.

– Я так и поняла. Когда я наводила справки, выяснилось, что никто вас, похоже, не знает по-настоящему. Главным образом отзываются, я полагаю, так: “Он держится особняком”.

– И вы подозреваете, что я серийный убийца?

– Нет, мне просто интересно, не укусят ли меня “Семирусные книги” за ягодицы.

– Надеюсь, нет, – сказал он, изо всех сил стараясь соответствовать ее горестной улыбке и не смотреть на упомянутые ягодицы.

– Я тоже, – игриво подхватила Тереза. – Потому что если да, то от укуса пострадают не только мои ягодицы.

В тот вечер, уже выпив половину бутылки шардоне, он припомнил ее замечание. Он и вправду, что ли, *странный*? Если да, то всегда ли он таким был или стал недавно – результат того, что он всю жизнь один? И странность его заметна всем? Если да, то почему сообщают ему об этом только сейчас?

Еще Тедди вспомнил, что в дверях кабинета Терезы, когда они пожимали руки, ладонь у нее была теплой. А когда она

повернулась, чтобы возвратиться к своему столу, он отметил, что с ягодицами у нее все в порядке. Что тут страннее? – задумался он. Что он такое замечает? Или что признает, даже в самом мгновении, что никак не станет действовать?

И еще он задавался вопросом, не ужинает ли и она в одиночестве.

Для академического издания “Проект Бог” вполне удался – книга получила небольшую, но значимую премию и привлекла к колледжу немного внимания, которого ему так не хватало. А также шквал рукописей. У Тедди даже появилось ощущение, что о вере пишет чуть ли не столько же людей, сколько читает. Присылаемые рукописи в основном были дрянью, но попадались и мелкие жемчужины. Новый Томас Мёртон, конечно, не возник, но Тедди на его появление и не рассчитывал. Хотя репутация издательства в первые годы росла, зато сникало другое – энтузиазм самого Тедди. Постепенно он начал понимать, что вряд ли ему удастся повторить опыт “Проекта Бог”. Большинство авторов не отчаялись настолько, чтобы просто сдать книгу и позволить Тедди ее отредактировать, обойдясь без нытья и вмешательств. Написав эту чертовню, они склонны были считать ее своей. Более того, им не приходило в голову, что они, возможно, сами никудышны, как бы убедительно это предположение ни подкреплялось, – как в свое время случилось с Эвереттом. Многие действительно оказывались заносчивыми мудозвонами и не воспринимали критику, как бы бережно и сочув-

ственно ее ни предлагали. Они открыто насмехались над самыми разумными предложениями Тедди, а некоторые даже обзывали его за то, что он высказывается. Но в большинстве своем они походили на автора той книги, которую он редактировал сейчас на пароме: сами того не сознавая, они безнадежно завязли в современном слоге, который плохо подходит ко вневременной сути того, о чем они пишут. Этот вот нынешний парень – понимает он это или нет, – в сущности, пишет о *грехе* и *искуплении*, но сами слова эти сейчас вышли из моды, поэтому он отказывается их употреблять. Книги, которые Тедди издавал последние десять лет, не были плохи, но ни одну Том Форд бы не одобрил. Они не были ни безотлагательны, ни обязательны. Текли в общем потоке культуры, никогда не против течения, потому что мужчины и женщины, писавшие их, сами ничем не пылали.

Как бы то ни было, этот год, вероятно, станет для “Семиярусных книг” последним. После десяти лет на посту президента Сент-Джозефа Терезе, главной поборнице издательства, предложили должность проректора крупного католического университета на Западе, и она покидала колледж. Когда Тедди со смешанными чувствами предложил перенести издательство в ее новую школу, никакого восторга она не выказала – вероятно, поскольку это значило, что за нею туда потянутся не только “Семиярусные книги”, но и он сам. Дело было не в том, что они друг другу не нравились и за годы о них пошли какие-то пересуды. Несколько раз они встреча-

лись – ужинали вместе или ходили на концерты, но на этом всё. Тедди не сомневался, что Терезу разочаровало, когда их взаимоотношения не преобразовались в нечто поинтимнее, но наверняка этого не знал – и не знал, как это выяснить. До ее появления в студгородке обычные пересуды утверждали, что Тедди – гей. Возможно, до нее этот слух долетел, и когда он не попытался уложить ее в постель, она заключила, что все так и есть. К тому же, вероятно, их дружба стоила ей чего-то политически. В конечном счете она президент колледжа, а он – презренный адъюнкт, которому предоставили тепленькое местечко, о каком и не мечтали многие “постоянщики”. Если они не занимаются сексом и он не снабжает ее бесплатными наркотиками, то *чего* же тогда ей от него нужно? Как бы там Тереза ни рассуждала, похоже, ей хотелось чистого разрыва.

Вероятно, и ему это не повредит, хотя следовало признаться – жаль, что Тереза уезжает. Помимо взаимного влечения – он же его не вообразил, верно? – у них оказалось много общего. В юности она тоже считала, что у нее может найтись призвание, и заигрывала с мыслью уйти в монастырь подобно тому, как Тедди – поступить в семинарию. И он ощущал, что где-то в прошлом у Терезы таится глубокая печаль разочарования, о которой она ни разу не заикнулась; она это либо поборола, либо довела до почетной ничьей. Оттого ли это, что она смешанных кровей? Над нею в детстве смеялись? Тедди подумывал спросить, но если она окажется-

ся щедра и доверится ему настолько, чтобы рассказать, ему придется не сходя с места решать, ответить ей взаимной откровенностью или нет, а он был вполне уверен, что не сможет.

Конечно, червячок этот сидел в яблоке задолго до появления Терезы на сцене. Может, даже с самого начала. Исправление книги Эверетта, помощь ему в том, чтобы добиться постоянного места, так походили на добрые дела, что Тедди чуть ли не убедил себя, что таковыми они и были. Но надо признать – этот тип ему даже не нравился. Подлинная доброта была бы в том, чтобы сесть с Эвереттом и помочь ему понять, что он делает не так, показать ему, как самому исправить то, что нужно исправить. Тедди тогда сказал себе, что времени на все это нет, но, если смотреть правде в глаза, он просто был нетерпелив, а это, если взглядеться по совести, очень похоже на презрение, а то и человеконенавистничество. Хуже того, он прекрасно знал, как до такого дошел. Сколько раз мальчишкой просил он родителей помочь, а они только выхватывали у него бумажку или ручку и просто *делали* сами то, с чем ему требовалась помощь, как будто его присутствие в их жизни и его нескончаемые претензии на их время утомляли родителей так, что и словами не выразишь. Ясно, что он не стоил их усилий. Если б стоил, они бы с радостью проводили это время с ним.

Очевидно, что *вот* каким человеком стал он сам. Не просто странным – как постановила Тереза, – но и тем, кто вы-

тягивает из людей то и это. Уж точно не такого захочется брать с собой в новое приключение.

Так что же дальше? Выйти на пенсию? Это ему было по карману, поскольку обеспечивать придется только себя. Может, переехать в места потеплее и поприятнее, чем Сиракюз. У него не было желания возвращаться к преподаванию, когда издательство пойдет ко дну, да оно и к лучшему. Его завкафедрой давно косился на непыльную редакторскую должность Тедди, и теперь, раз Терезы больше не будет, ничто не остановит его от расторжения контракта с издателем. Если это произойдет, Тедди придется подыскивать себе какое-то другое занятие. Может, корректором на вольных хлебах. Нынче он читал много книг, которым корректор бы не повредил, а с писателями корректору работать не нужно — знай себе исправляй их ошибки и выковыривай шпинат у них из зубов. Необходимая работа. Но необходима ли она ему? Новое предприятие имеет смысл, но что именно? Как ему решить? Все равно что пытаться заново выбрать специализацию в колледже, когда тебе шестьдесят шесть. Возможно, нельзя всю жизнь прожить универсалистом.

Когда по громкой связи объявили, что паром вскорости ошвартуется и водители должны вернуться к своим машинам, Тедди понял, что после отхода из Вудз-Хоула отредактировал меньше страницы. С таким же успехом можно было выйти на палубу и понежиться на согревающем душу солнышке. Какого же черта он этого не сделал?

Свет снаружи так слепил глаза, что Тедди, вынырнувшему из относительной полутьмы буфета, пришлось зажмуриться. Неужто и *впрямь* так ярко или же эта сила света – предвестник грядущих гадостей? Иногда его припадки предварялись общим обострением всех чувств. У лееров, прикрыв глаза ладонью, он прищурился и вгляделся в людный причал, надеясь углядеть Линкольна, который обещал его встретить. И уже совсем было заключил, что старый друг, должно быть, опаздывает, как заметил его в толпе. За те почти десять лет, что они не виделись, Линкольн совершенно поседел, а осанка слегка просела. Но сильнее потрясала его спутница – темноволосая молодая женщина, которую он обнимал за плечи. Джейси! Неужели это от одного вида ее после стольких лет у Тедди ослабели ноги, и пришлось схватиться за поручень – или от того, что паром бортом ткнулся в причальную стенку?

“Это не она, – сказал себе он, снова зажмуриваясь от слепящего света. – Не она”. Потому что не *может* быть. Девушке на причале не было и тридцати, а Джейси теперь за шестьдесят, на пороге старости. Перед такой неопровержимой логикой он напомнил себе, что мозгу его почти ничего не остается, кроме как воззвать к небесам, однако Тедди побоялся открыть глаза. Когда же наконец осмелился, мир остался все так же напряженно ярок, но прекратил быть таким болезненным, и он увидел, что девушка на самом деле не *с* Линкольном, а лишь стоит рядом. И он ее, конечно, не обнимает. То была просто игра света и тени. Да и стоило присмотреться к

ней внимательней, на Джейси она ничуть не походила. Нет, это остров вызвал ее к жизни. Он да физическая близость девушки к его старому другу – и бац! Его слишком уж восприимчивый ум обманут и поверил в невозможное.

А завтра к этой летучей смеси добавится Мики. Возможно ли, что они втроем, вновь вернувшись на Виньярд после стольких лет, смешают это волшебное зелье и оно окажется настолько могучим, что вызовет ее? Если так, подумал он, ощущая, как в горле набухает паника, ему следует остаться на борту. Вернуться в Вудз-Хоул. А в сером Сиракьюзе он окажется уже к началу вечера.

Но поздно. Линкольн тоже его заметил и машет. Что тут поделаться – только помахать в ответ.

Девушка, которая была не Джейси, тоже махала, и на миг показалось, что машет она ему, но нет – мальчишке под локтем у Тедди, чье присутствие он ощутил, даже не повернувшись, чтобы в нем удостовериться, не успел еще мальчишка заорать:

– Эй, детка! – и погарцевал вниз по сходням к девушке – явной любви его юной жизни.

Он ее, конечно, потеряет, потому что так все оно и бывает. Как раз то, что не можешь себе позволить потерять, мироздание у тебя и крадет. Как оно узнаёт, что именно тебе нужно больше всего, чтобы как раз в этом тебе отказать, – вопрос для философов. Ответишь на него – и у тебя получится именно та книга, какую Том Форд считал бы достойной на-

писания: безотлагательной, новой и совершенно необходимой. Но чтобы ее написать, нужно вспыхнуть ярким пламенем.

– Вот это да, – произнес Тедди, рассматривая снимок семейства Линкольна.

Солнце палило милосерднее на террасе таверны, смотревшей на гавань Оук-Блаффс, а на широком парапете ее потели пинты холодного пива. Тедди уже не помнил, когда он пил пиво в последний раз. Официант рекомендовал местный индийский светлый эль, и первый глоток его оказался так горек, что Тедди подумал, не отослать ли назад. Но вот уже полпинты опустошено, и он пересмотрел свое мнение. Горечь отчего-то стала даже приятной. По его личному опыту, с горечью так постоянно.

Обсуждаемый снимок был в айпаде у Линкольна, и поэтому Тедди мог увеличивать каждое лицо, раздвигая большой и указательный пальцы. Три девочки, три мальчика, все среднего роста, стройные, девочки поразительно красивы, мальчики все ухмыляются, вылитые Роберты Редфорды с песочными волосами. Внуки лучились здоровьем.

– Вы с Анитой как будто взяли на себя миссию искоренить из нашего биологического вида всё уродство.

– Это всё Анита, – ответил Линкольн, хотя явно гордился своим симпатичным потомством. И это было правдой. Особенно девочки пошли в маму – та сама была королевой красоты Минервы. Однако у мальчиков и гены Линкольна про-

ступали: от их расслабленных поз веяло атлетизмом – вероятно, теннис. Для баскетбола они были недостаточно высоки, для футбола – крепки. Может, еще бейсбол. И, зная Линкольна, – гольф.

– А где Вольфганг Амадей? – поинтересовался Тедди, возвращая айпад. С отцом Линкольна он встречался всего несколько раз, но впечатление тот произвел – и не только своим именем. – Меня удивляет, что он вообще разрешает семейные фотографии, на которых нет его самого.

– Обычно мы ему их не показываем, чтобы он себя в них не прифотошопил, – ответил Линкольн. – После того как мама умерла, немного сдал, но по-прежнему все тот же Вава. Пару лет назад мы доставили его самолетом в Вегас на свадьбу Клары, так он встал и произнес речь на репетиции банкета. Никто его не просил. Он просто счел, что всем захочется послушать, что он там скажет, пусть даже большинство народу видит его впервые. Коди пришлось ему чуть ли не подсечку делать, чтоб он только заткнулся и сел.

Тедди хмыкнул. Мысленным взором он увидел проклятого старого дурня.

– Из всех, кого я знаю, только Анита и может на него как-то влиять. Может, потому, что она юрист. Он почти всегда делает то, что она говорит.

Они продолжали смотреть, как на воде маленький сухогруз кормой швартуется к теперь опустевшему слипу; паром, на котором прибыл Тедди, уже отошел обратно на большую

землю.

– А твой как? Все еще в Анн-Арборе?

– В Мэдисоне, – поправил его Тедди.

Хоть и преподавали родители в средней школе, им как-то удалось втереться в пенсионный поселок Бёрнт-Хиллз, который обслуживал преимущественно висконсинскую профессию; привлекали главным образом еженедельные лекции на самые разные темы – читали их все еще работавшие преподаватели, – бесплатные автобусы на концерты и другие мероприятия в студгородке, куда допускалась широкая публика, а также занятия по компьютерной грамотности и сочинению стихов, где даже ставили оценки, хотя Тедди никак не мог взять в толк, зачем это людям их возраста. Сначала они поселились в отдельной квартире, а потом перевелись в коммунальный корпус побольше, где предлагалась разнообразная помощь; два года назад же вообще поступили, если можно так выразиться, в дом престарелых – что-то вроде. Тедди всегда считал, что настанет такой день, когда родители пожалеют, что не дали ему больше места в своей жизни, но само качество их жизни в Бёрнт-Хиллз делало подобные сожаления невозможными. И в старости оставались они ожесточенно самодостаточны – замкнутая эмоциональная петля; очевидно, им довольно было общества друг дружки, газеты “Нью-Йорк таймс” да всех тех книг, которые не удалось прочесть, потому что вечно проверяли тетрадки. Их там навещало довольно много бывших учеников, и с ними Тедди по-

рой сталкивался. Родители всегда здоровались с Тедди тепло, хотя и не теплее, чем с другими своими гостями. Даже если знали, что он приедет, когда он появлялся, они с виду словно удивлялись, будто не сразу могли сообразить, кто это. В каком году учился у них в классе? Что писал в своем выпускном сочинении?

– Должен сказать, меня он разочаровал, – задумчиво произнес Линкольн, вернувшись к собственному отцу.

– С чего это? – поинтересовался Тедди, искренне желая знать. Как можно разочароваться в человеке, проявлявшем так мало достойных восхищения черт? Разве доброе судно “Разочарование” не уплыло давным-давно? У него-то уж точно.

– Не знаю. Наверное, после маминой смерти я рассчитывал, что он как-то потеряется. Знаешь же, как иногда бывает у давно женатых пар? Кто-то умирает, а второй медленно угасает. Перестает интересоваться окружающим миром. Вот и я как бы рассчитывал, что с Вавой такое произойдет. Может, и не самой нежной парочкой они были, но спали в одной постели сорок пять лет. Я считал, что у них в браке не все выступало на поверхность. Но нет – он вернулся домой с похорон и нанял себе экономку. Как будто мама для него ничего больше не значила. Чтоб его кто-то кормил, убирал за ним.

– Все браки таинственны, – предположил Тедди, хотя вообще-то больше думал о Линкольне и Аните, чем о Ваве и

матери Линкольна. Они, конечно, не то чтоб друг другу не подходили, но Анита всегда казалась Тедди интереснее Линкольна. Не столько была умнее – хотя, вероятно, была. Скорее, она всегда казалась более открытой тому, что предлагает жизнь. В ней чувствовалось больше простора для роста, личного становления. Линкольн же был неизменнее. Еще в Минерве в нем уже виднелся очерк того мужчины, каким станет: скорлупа отвердевала. Как, в общем, и у его отца. Хотя Тедди и полагал, что судить об этом не ему.

– Как бы то ни было, – продолжал Линкольн, – Анита целиком и полностью уверена, что он встречается с какой-то женщиной.

– Серьезно? А ему сколько?

Линкольн почесал подбородок.

– Девяносто? Девяносто один? Может, просто устал платить экономке, но кто ж его знает.

– Думаешь, дело в сексе?

– Не. Если бы в нем, он бы хвастался.

– Но к тебе же кое-какая недвижимость перейдет, когда он умрет, правда? – Не то чтоб Тедди это касалось.

Линкольн хмыкнул.

– В смысле – *если* он умрет. Ну, есть данбарское разновысокое ранчо, его не ремонтировали с тех пор, как построили в пятидесятых. Но сколько оно там принесет.

– И дом в Чилмарке.

– Этот уже мой, – ответил Линкольн. Тедди причудилось

или же это признание и впрямь прозвучало с неохотой? – Он был мамин.

– Правда? – Хотя да, подумав немного, Тедди вспомнил, что действительно что-то подобное раньше слышал.

– А у тебя как? – спросил Линкольн. – Какое-нибудь наследство светит?

Тедди покачал головой.

– В детали меня не посвящали, но когда мои предки продавали свое жилье, я практически уверен, что всю выручку плюс социальное страхование и все пенсионные счета они передали Бёрнт-Хиллз – тому кошмару, где они сейчас живут.

Линкольн кивнул.

– У Аниты с предками тоже так было.

– Хорошо то, что мне вообще-то ничего не нужно. За годы я кой-чего накопил, а больше никого у меня и нет.

– Сомневаюсь, что и Мику много чего светит, у него же семь сестер, а он самый младший.

– Как-то на днях я читал, что передача благосостояния от поколения наших родителей к нашему – самая крупная в истории, – произнес Тедди. – Как вышло так, что мы все пропустили?

– Хороший вопрос. Но это правда. Денег ходит много, даже после спада. Если читать “Минервца” между строк, большинство наших знакомых оттуда теперь однопроцентники²⁹.

²⁹ Понятие “1 %” (богатейший сегмент населения США) запустил в оборот Гор

– Да я и строчки не читаю, какое там между.

Это было не вполне правдой. Именно из этого журнала выпускников Тедди узнал в середине восьмидесятых о смерти Тома Форда от СПИДа. И вообще поглядывал в раздел извещений своего года выпуска, не теряя надежды, что, может, там Джейси и всплывет, – и тогда-то он узнает, куда она делась, за кого вышла замуж и как у нее устроилась жизнь. Линкольн и Мики тоже следят за новостями? – спрашивал себя он.

Пиво они уже допивали, и когда официант подошел спросить, не нужно ли им еще, Линкольн осведомился:

– Что скажешь?

– Сегодня мне никуда не надо. – Ни в эти выходные, ни вообще-то в какие другие.

Когда принесли свежие пинты, они чокнулись.

– За старых друзей, – произнес Тедди, наслаждаясь моментом – тот его расслабил и успокоил так, как не случилось уже давно. Может, приступ паники на пароме был ложной тревогой, потому что нестерпимо яркие, пульсирующие чистые цвета превратились теперь в пригашенные пастельные оттенки. Кто знает? Возможно, эти выходные и окажутся тем, что доктор прописал. Может быть.

От воды налетел ветерок с запахом сентября. Тедди вдох-

Видал. В 2011 г. движение *Оссиру* использовало его в своем лозунге “Мы – 99 %”. По данным 2009 г., в эти 99 % входили семьи с годовым доходом менее 343 927 долларов.

нул поглубже. Даже в детстве осень была у него любимым временем года. Когда ты маленький, а родители у тебя учителя, начало года отмечает сентябрь, а не январь. В Милерву он всегда возвращался с каникул первым – ему нравилось, что весь студенческий городок день-другой принадлежит ему одному и только потом начнут тонкими струйками стекаться студенты и преподаватели. Следующим приезжал Линкольн, за ним – Мики, поскольку его группа, как правило, играла где-нибудь в городе в первые выходные до начала занятий. Джейси всегда возвращалась последней – иногда аж посреди первой учебной недели. И на *самом* деле до этого ничего и не начиналось.

– Знаешь, о ком я думал на пароме? – несмело спросил Тедди.

– Угу, – ответил Линкольн. – Знаю.

И больше ни слова.

Линкольн

В субботу Линкольн проснулся с четким ощущением того, что во сне его присутствовал Мейсон Троер. Если да, то все сходится. Вчера, когда они с Тедди вернулись в Чилмарк, на автоответчике мигал огонек: Троер слышал, что он намерен выставить дом на продажу, и ему хотелось поговорить.

– Продавать собрался? – удивленно спросил Тедди.

– Мы еще не решили, – ответил Линкольн, и утверждение это по странности прозвучало правдой, как будто они с Ани-той *договорились* продавать, но толком еще не *решили*.

Он не намеревался ничего сообщать о выставлении дома на продажу ни Тедди, ни Мики, потому что им же захочется знать, зачем он это делает, а ему во все это вдаваться неохота. Преуспевающим агентом по коммерческой недвижимости он всегда зарабатывал больше, чем они, но никогда этим перед ними не бахвалился. Да и с чего бы? Тедди явно определял для себя успех иначе, а Мики вообще никогда бы не пришло в голову как-то его определять. Стыдно ли ему, Линкольну, за то, что так близко подступил к финансовому краху? Так думать не хотелось, но чем же это еще может быть? В рождественских открытках и электронных письмах, которыми он обменивался с Тедди и Мики после краха 2008 года, он не проговаривался, что у него какие-то передраги. Если же они обращали внимание, то, вероятно, знали, что Лас-Ве-

гас – эпицентр бури с субстандартными кредитами, но раз он им даже не намекал, что сам попал под удар, друзья, вне всяких сомнений, предполагали, что всё у него в порядке. Даже теперь, когда все выглядело так, будто агентство наконец выплыло, у него не было ни малейшего желания рассказывать им, как чуть не пошел ко дну. Конечно, они бы не стали втайне злорадствовать. Напротив, ужасно расстроились бы. Но все равно перепонка, отделяющая сочувствие от жалости, может быть бумажной толщины, а Линкольн – в этом тоже сын своего отца – жалости не хотел ни капли.

Позже вечером, вспоминая мрачные намеки Мартина по поводу Троера, Линкольн погуглил его: козел этот действительно колоритно вошел в историю острова – многочисленные заметки в “Виньярд газетт” и “Мартас-Виньярд тайм” о пьяном вождении, неявки в суд по повесткам, постоянные жалобы от соседей на шум. Но были сюжеты и мрачнее. В конце девяностых – обвинение в сексуальных домогательствах от неназванной женщины, улаженное во внесудебном порядке, не успело дело и дойти до официальных разбирательств, а с другой женщиной ему был назначен судебный запрет. Троер проворно его нарушил, и его посадили, а когда вышел из тюрьмы, она уехала с острова. Пока Линкольн искал, всплывали другие сайты, где за плату обещали больше подробностей, но он пока решил не нырять в эту кроличью нору.

А теперь, лежа в постели – утренний свет струился в ок-

но, – он припомнил кое-что еще.

Когда Анита ответила на вызов, голос ее был спросонья хрипл.

– Все в порядке? – спросила она.

– Тьфу ты, – произнес он, осознав, почему Анита сонная. – Забыл о разнице во времени.

– Это ничего, – ответила она. – У меня все равно сейчас будильник зазвонит. Что такое?

– Мейсон Троер. Помнишь тот день, когда...

– Ну.

– В смысле – “ну”? Я ж еще не сказал, какой...

– Тот день, когда он заходил, а тебя не было.

– Верно. Напомни мне, что произошло?

– Нам что-то понадобилось, и ты собрался съездить в Виньярд-Хейвен. А потом тебе пришло в голову, что это может продаваться в лавчонке Чилмарка, – там оно и оказалось. Поэтому дома тебя не было не час, а минут пятнадцать.

– Когда я вошел, вы вдвоем были в кухне, – подхватил он, тот случай уже сфокусировался у него в памяти.

Они стояли по разные стороны кухонного стола. Что-то в их напряженных, неловких позах напомнило ему “замри-умри-воскресни” – детскую игру, когда все носятся, пока кто-нибудь не крикнет “Замри!”, и тогда нужно остановиться как вкопанному. Вот так и смотрелись его жена и Троер – стояли по разные стороны стола, как будто их приморозило к месту его внезапное возвращение.

– Он утверждал, будто зашел потому, что хотел сделать предложение по дому, – говорила Анита, – но тут было что-то подозрительное. То есть он оказался на пороге, едва ты уехал. Как будто наблюдал за домом и ждал, когда ты уедешь.

– Он не...

– Нет, меня он не трогал, ничего такого. Да и сама беседа складывалась безобидно. Но у меня от него все равно мурашки. Как будто он взвешивает в голове какие-то возможности. Оценивает риски. Пытается замерить, насколько я сильна, каких неприятностей от меня ждать. Особенно я помню, как счастлива была, услышав хруст гравия под твоими колесами снаружи. А он обалдел, точно тебе говорю. Как будто удивился, что ты слишком рано вернулся, так же сильно, как и я, – а не удивлялся бы, если б не дожидался твоего отъезда.

– Почему же ты мне тогда всего этого не рассказала?

– Я собиралась, но к тому времени, как он ушел, успела убедить себя, что мне все это померещилось.

– Ты сделала ровно то, о чем предупреждала наших дочерей, – чтобы никогда так не поступали.

– Господи, ты прав. Мы им всегда велели доверять инстинктам. – Долгий миг оба помолчали. – Так в чем там дело, Линкольн?

– Не знаю. Правда не знаю.

– Ожидаешь неприятностей?

– Он не заявится, если увидит Мики.

Однажды ублюдок загнал Джейси на кухне в угол и Мики

разобрался с ним быстро – четкий апперкот в подбородок, в самое яблочко. С террасы они слышали грохот падающего тела.

– Дай мне слово, что не станешь с ним связываться, – сказала Анита.

– Я не собираюсь ему даже перезванивать, – ответил Линкольн. Если нагрянет лично, то он как-нибудь разберется. Вероятно, Мартин прав. Троер, несомненно, хочет сделать предложение без посредников, а риелтора оставить без комиссии.

– Ребята нормально доехали?

– Тедди прибыл вчера днем. Мики ждем с минуты на минуту.

– Поцелуй их от меня.

– А что бы тебе самой в самолет не сесть? В Вудз-Хоуле окажешься как раз вовремя, успеешь на последний паром. Парни будут счастливы тебя видеть.

– Мне б тоже очень хотелось повидаться, но в понедельник нужно быть в суде спозаранку и в хорошей форме. А сегодня попозже еду в Аризону проведать Вольфганга Амадея, не забыл?

– Мне моего отца предпочитаешь, а?

– Не смей меня стыдить, балда. Я твою работу делаю.

Да, разбираться с его отцом ей приходилось слишком уж часто. Но вчера он сказал Тедди правду. Если стремишься к хорошим исходам, Анита – идеальный человек для такой

работы.

Отключившись, он помассировал большими пальцами виски. Ему ночью действительно приснился Троер? Где-то между большими пальцами у него сгущалась темная мысль.

Под душем он мысленно составил список того, что требовало его внимания в понедельник, когда Тедди и Мики уедут. Здесь все уже выглядело запущенным – и внутри, и снаружи. Дранка уже много где из обветренной сделалась покорбленной, а внутри все стены нужно перекрасить. Деревянные перила террасы гуляли – прогнили до трухи. Анита наказала заснять каждую комнату телефоном на видео, чтобы не пришлось полагаться только на его оценку. По ее мнению, он, как почти все мужчины, слеп к тому, что у него перед самым носом. Предполагая, что она права, Линкольн все же считал, что в последнее время в его адрес прилетает слишком уж много гендерных оскорблений. Стоит только ему сглотить и опуститься до каких-либо обобщений насчет женщин, как тут же жди возмущенный хор жены и дочерей. Отчего же мужчины считаются честной добычей? Более того, если Мартин прав и дом пойдет под снос, возня с заказанным видео будет пустой тратой времени. Покраска и новая обшивка, вообще-то, тоже.

Он вытирался, когда услышал снаружи низкий гортанный рокот и ощутил, как под босыми ногами завибрировал пол. Зная, что это предвещает, он быстро натянул спортивные трусы и футболку и заорал Тедди, который трудился над ка-

кой-то рукописью на террасе.

Как раз когда Линкольн вынырнул из дома, здоровенный “харлей” содрогнулся и затих. Мики, в джинсах, ковбойских сапогах и кожаной куртке, стащил с головы шлем и остался сидеть, просто воззрившись куда-то перед собой, – лицо для него необычное, бесстрастное. Тоска, прикинул Линкольн, или сожаление? Чем бы ни было, выражение это пропало очень быстро, когда Мики заметил Линкольна, – тому даже стало интересно, не вообразил ли он его.

– Лицевой, – произнес Мики, расплываясь старой знакомой ухмылкой.

– Большой Мик на Кастрюлях, – ответил Линкольн, осторожно ступая босыми ногами на гравий. Их старые клички – аватары молодости – были давним ритуалом приветствия.

– Что это с тобой такое, к черту? – спросил Мики, хмурясь. – Весь согнулся, как старик.

– Поясница затекла, – признался Линкольн. – Днем расхожусь – выпрямлюсь.

Они пожали друг другу руки, Мики – так и не слезши с “харли”, будто еще не решил, остаться ему или нет. Заскрипели ржавые петли сетчатой двери – то вышел Тедди в плавающих, шлепанцах и ветхой толстовке Минервы.

– Тедомотина, – произнес Мики – у него для всех знакомых было хотя бы по одной кличке. Тедди он также звал Тедушкой и Тедмариком. – Так подойди ж сюда, дай я на тебя взгляну. А ты гольфики под сандалики не носишь.

– Ты надеялся, что ношу?

– Прикидывал, что в этом году запросто.

– Ты выглядишь как прежде, – сказал Тедди. – Ну или хотя бы шестидесятишестилетним вариантом того “прежде”. Ты с этой штуки способен слезть или так и будешь на ней сидеть с видом Марлона Брандо?

Выскользнув из-под рюкзака, Мики протянул его Линкольну, и тот удивился тяжести.

– Что у тебя там? Камни?

– Водка, томатный сок, соус “Табаско”, водка, сельдерей и водка, – проинформировал Мики, перекидывая через “харли” здоровенную ногу, чтобы опустить подножку. – У нас вчера вечером сейшен был. Домой только в три приехал.

Когда он вогнал шлем под сиденье мотоцикла, Тедди постучал по нему костяшками.

– Ты наконец его носить начал.

– Закон такой. А кроме этого – вот что. – Мики раздвинул длинноватые рокерские волосы и показал длинный и раздраженный розовый шрам.

– Господи, – промолвил Тедди, и кровь отхлынула у него от лица.

Мики хмыкнул, слишком хорошо зная ужас Тедди перед телесными травмами, сопровождавший его всю жизнь.

– Ну, в общем, – вздохнул он, снова закидывая рюкзак на плечо, – время “Кровавой Мэри”. – Он с сомнением оглядел Линкольна. – Сам вовнутрь заберешься, старик, или нам те-

бя внести?

– И я тебе рад, Мик, – сказал Линкольн. – Даже не знаю почему, но вот так.

Мики хлопнул его по плечу.

– Пошли. Тебе недостает злоупотреблений.

– Наверняка.

Уже в дверях они услышали металлический стон и повернулись – “харлей” Мики, для которого гравий оказался плохой опорой, завалился набок. Освободившись из-под сиденья, шлем скатился по склону и замер у их ног.

– Вот так и лежи, – велел непослушному мотоциклу Мики и вошел в дом.

Тедди подобрал шлем и, вздернув бровь, глянул на Линкольна, затем повесил шлем на ближайший фонарь.

Линкольн распахнул перед ним дверь.

– Да начнутся игры.

– Ушатай меня святой боже, – Мики, прищурясь, смотрел на сбегающий вниз склон. Кожаную куртку он снял и сидел теперь, задрвав сапоги на перила. – Это голая женщина там?

Все втроем пили “Кровавую Мэри”. Мики порылся в кухонных шкафчиках и отыскал кувшин, в котором можно смешать. “Откуда эта посуда взялась?” – недоумевал Линкольн. Вот чем отличаются съемщики, кому по карману Чилмарк в июле и августе. Если обнаруживают, что в доме чего-то недостает, просто едут в город и покупают, а потом в девяти случаях из десяти оставляют. В кухне теперь полно

было причудливых устройств, о назначении которых Линкольн даже не догадывался. Несколько лет назад, когда кофеварки “Кьюриг” были еще новинкой, какие-то августовские дачники такую купили и просто оставили на кухонной стойке вместе со списком предложений: радиоприемник “Боуз”, станция подзарядки мобильных, роутер вай-фай и консоль для видеоигр. Линкольн был склонен усовершенствования проигнорировать, но Анита немедленно купила по интернету все штукорины до единой и заказала доставку в компанию, управлявшую арендой дома.

Линкольн заверил Мики, что нет, глаза его не обманывают, хотя оставалось неясным, та ли это голая женщина, которую он сам видел накануне. Сложены примерно одинаково – крупные груди, полновата в талии, – но та, другая, была блондинкой, нет? А у этой волосы – по крайней мере, на голове – темнее, хотя, возможно, просто время дня такое, свет падает иначе.

– Неудивительно, что ты тут свои тетрадки проверял, – сказал Мики Тедди, который сидел спиной к сцене, разворачивавшейся ниже по склону, рукопись – под креслом, подале от греха.

– Я книгу редактирую, а не тетрадки проверяю, – ответил тот.

– Объяснишь мне разницу, когда тут не будет происходить ничего поинтереснее. Бинобль – вот что нам сейчас нужно.

Ниже по склону хлопнула еще одна дверь, и на террасу вы-

шел Троер, опять голый. Сказал что-то женщине – находились они слишком далеко, не расслышать, но ветерком принесло ее смех.

– Ладно, ну его, этот бинокль, – произнес Мики, так поворачивая кресло, чтоб не пришлось смотреть. – Скажи мне, что это не тот давний козел. Как его, нахер, *зовут*? Тот, кто Джейси мацал?

– Мейсон Троер.

– Точно. Троер.

– Теперь он хозяин того дома. Предки его померли сколько-то назад.

– Для богатеев они были очень даже милы, – припомнил Тедди.

– Ты это в каком смысле – “для богатеев”? – фыркнул Мики. – Есть какой-то закон, по какому *им* не полагается быть милыми?

Тедди задумчиво пожевал стебелек сельдерея.

– Вообще-то да. И именно те люди его нарушали.

– Ай, ну вот мы опять. – Мики вздохнул. – Какую-нибудь свою лекцию 1969 года прочтешь, мистер Маркс? Или уже накопил новый материал?

– Вне собаки, – произнес Тедди, шевеля бровями и пыхтя воображаемой сигарой Брюзги – совершенно другого Маркса, а не того, на кого ссылался Мики, – книга – лучший друг человека. А внутри собаки читать слишком темно³⁰.

³⁰ Фраза приписывается известному острослову XX в. Брюзге Марксу (Джули-

Троеры действительно были милыми людьми, припомнил Линкольн. Казалось, их самих, как и всех прочих, озадачивает, как им удалось произвести на свет такого отпрыска, как Мейсон.

– Ладно, порази меня, – сказал Мики Тедди. – Что ты слушаешь?

– Альтернативный рок, по большей части.

– Типа чего?

– “Декабристы”. “Белль и Себастьян”. “Мамфорд и сыновья”³¹.

– Музыка для пидоров.

– Мы уже пользуемся этим понятием? – произнес Тедди. – Люди с высшим образованием?

Мики отмахнулся от его возмущения.

– Это хипстерское говно. Те, кто слушает эту дрянь, пьют тыквенные латте с пряностями. Ладно тебе. Что еще? Ты ж хоть *какую-то* настоящую музыку должен слушать.

Тедди пожал плечами.

– Кое-каких авторов-исполнителей. Том Уэйтс. Леонард

ус Хенри Маркс, 1890–1977), члену комической труппы братьев Маркс, якобы произнесшему ее в 1974 г. на открытии выставки, посвященной чтению, хотя на самом деле опубликована она была в февральском номере журнала *Boys' Life* в разделе шуток, присланных читателями, и принадлежит кливлендскому жителю Джиму Брюэру.

³¹ *The Decemberists* (“Декабристы”, с 2000) – американская группа независимого рока из Портленда, Орегон. *Belle and Sebastian* (“Белль и Себастьян”, с 1994) – шотландская рок-группа. *Mumford & Sons* (“Мамфорд и сыновья”, с 2007) – британская фолк-рок-группа.

Коэн. Джош Риттер. Босс, конечно³².

– Ладно, – уступил Мики. – Этих я могу уважать.

– А Босс – это кто? – спросил Линкольн.

Оба воззрились на него.

– Штука в том, – сказал Мики Тедди, – что я никогда не понимаю, шутит он или нет. Ты распознаёшь?

– Если речь о музыке, то нет, – признал Тедди.

– Ладно, твоя очередь. – Теперь Мики показывал стебельком сельдерея на Линкольна. – Предполагаю, ты по-прежнему предан Мантовани³³.

– Не начинай.

– Тедушка. На что спорим, что у него станция “Пандоры”³⁴ на Мантовани?

– Что такое станция “Пандоры”? – спросил Линкольн.

– Ты надо мной издеваешься, так?

– Вообще-то да.

– Дай-ка мне телефон взглянуть, – произнес Мики.

– Не дам.

– Дай сюда. Я не шучу. Не вынуждай отнимать.

Линкольн вздохнул, протянул ему аппаратик.

³² Джош Риттер (р. 1976) – американский автор-исполнитель “альтернативного кантри”. “Босс” – американский певец, гитарист и автор-исполнитель Брюс Фредерик Джозеф Спрингстин (р. 1949).

³³ Аннунцио Паоло Мантовани (1905–1980) – англо-итальянский дирижер, композитор и руководитель эстрадного оркестра.

³⁴ *Pandora Radio* (с 2000) – американский музыкальный стриминговый и рекомендательный сервис.

Мики перебрал иконки на экране.

– Ну-ка, ну-ка, – сказал он. – “Пандора”. Господи, ужас какой. Херб Алперт и “Тихуана брасс”. Нэт Кинг Коул³⁵.

Тедди уже побагровел, как свекла, плечи у него тряслись.

– И – ага. Вот оно. Так и знал. Джонни, нахер, Мэтис. “Шансы есть... – проблеял он, – раз я глупо улыбнусь...”³⁶

Линкольн выхватил у него телефон и сунул себе в карман.

– Прошу, скажи мне, что вы с Анитой никогда не занимались сексом под Джонни Мэтиса. Потому что мне она всегда представлялась дамой утонченной.

Снизу до них долетел всплеск женского хохота. Все трое неохотно повернулись в ту сторону. Казалось, будто Троер тычетя носом в голый женский живот. По крайней мере, они надеялись, что именно туда он и тычется.

Мики встал и цапнул кожаную куртку.

– Пойду-ка я внутрь, – произнес он, – а то меня что-то подташнивает.

– Ты думаешь, почему я спиной сел? – спросил Тедди.

У раздвижной двери Мики сказал:

– Вы же никаких планов на вечер не строили, ребята, да? На Сёркит-авеню сегодня банда играет, я о ней хорошее слы-

³⁵ Херб Алперт (р. 1935) – американский эстрадный трубач, в 1960-х гг. – руководитель оркестра *Tijuana Brass* (“Тихуанская медь”). Нэт Кинг Коул (Нэтэниэл Эдамз Коулз, 1919–1965) – американский певец и джазовый пианист.

³⁶ Джон Ройс Мэтис (р. 1935) – американский эстрадный певец, автор песен. *Chances Are* (“Шансы есть”, 1957) – песня композитора Роберта Аллена на слова Эла Стиллмена, ставшая популярной в его исполнении.

шал.

– Если настаиваешь, – вздохнул Линкольн.

Когда дверь за ним задвинулась, Линкольн вопреки себе вновь взгляделся ниже по склону. Троер уже уселся, а женщина перекатилась на живот.

– Вопрос, – произнес он, когда Тедди достал из-под кресла рукопись и приготовился вернуться к работе. – Помнишь те занятия по истории, на которые мы оба ходили в Минерве?

– “Гражданская война и реконструкция”³⁷, – не задумавшись, ответил Тедди, будто по некоей необъяснимой причине тоже думал о том же самом курсе. – Профессор Форд.

– В первый день занятий он нам задал вопрос семестровой контрольной.

Тедди кивнул.

– Что вызвало войну.

Помимо обычной доски в классе стояла громоздкая переносная, на которую по ходу семестра они выписывали возможные причины – как непосредственные, так и отдаленные. Хотя Линкольн был вполне уверен, что Форд с этим не согласен, он в итоге обосновывал, что война велась из-за экономики: промышленный Север против аграрного Юга. Тедди же доказывал, что война началась из-за рабства – по причине нравственной. Обе их работы, как Линкольн считал те-

³⁷ Реконструкция – в истории США переходный период восстановления нормальной экономической и политической жизни, понятие относится к десятилетию после Гражданской войны 1861–1865 гг.

перь, были предсказуемы. И вот тут напрашивался вопрос: вылепились ли уже тогда натуры его и Тедди? В то время колледж, похоже, предлагал безграничный ассортимент возможностей, и они, такое ощущение, заняты были *становлением*. Иллюзией ли это было? Не *стали* ли они уже к тому моменту?

Тедди ухмылялся.

– Помнишь, как мы в конце разозлились? Сдали контрольные и подошли к нему спросить, какой же ответ правильный? Что, по *его* мнению, вызвало войну?

Это Линкольн забыл, а теперь подробности нахлынули снова.

– А он просто улыбнулся и спросил, что, по нашему мнению, вызвало войну во *Вьетнаме*. Весь смысл курса заключался в том, чтоб мы рассмотрели одну войну в свете другой, а никто из нас этой связи не заметил. Ему следовало нас обоих провалить.

Тедди вопросительно рассматривал его.

– Странная логика.

– Нынче все чаще и чаще, – признался Линкольн, не очень желая углубляться в то, что запустило его по этой дорожке. Схватившись за кувшин, он приподнял его. – Еще хочешь?

– Господи, нет. У меня уже в голове шумит, а еще и полудня нет.

Мики растянулся на диване в доме. Включил предметную разминку студенческих футбольных команд, выведя

звук до минимума. На горизонте тут явно собирался долгий хороший сон.

Линкольн показал ему кувшин.

– Допьешь?

– Чего ж нет?

Он вылил остатки в стакан Мики.

– Можно вопрос?

– Валяй.

– Когда ты сегодня подъехал... Ты сидел и смотрел как бы в никуда. И у тебя было такое лицо, что я поневоле задался вопросом, о чем ты думаешь.

Мики молчал так долго, не отрывая взгляда от телевизора, что Линкольн уже решил: и не ответит, но тот наконец произнес:

– Здесь она почему-то реальнее.

– Понимаю, – сказал Линкольн. – И я очень даже уверен, что Тедди тоже так кажется. Как ты считаешь, что с ней случилось, Мик?

Тот покачал головой, все еще не отрываясь от телевизора.

– Я знаю только, что ее больше нет.

– “Нет” как...

И только сейчас Мики повернулся и посмотрел на Линкольна.

– Нет *давно*.

Тедди

Тедди еще немного поработал, пока солнце, поднявшееся уже прямо над головой, не начало неприятно жарить. Он запихивал рукопись в свою наплечную сумку, когда на террасу вернулся Линкольн, переодевшийся в чиносы, рубашку поло от Ральфа Лорена и мокасины. Тедди заметил, как он глянул вниз по склону, на дом Троера, и лицо у него омрачилось, хотя сосед с женщиной уже скрылись внутри.

– Ты это куда? – осведомился Тедди.

– В Эдгартаун, – ответил Линкольн. – Поехали со мной, если хочешь.

Но он перебирал ключи в руке так, что видно было – ему не терпится уехать. Хотел бы общества – позвал бы раньше.

– Я пас, но спасибо. А Мик там что?

– Уснул на диване, – хмыкнул Линкольн. – Одна рука под головой, под подушкой.

– Он всегда так спал. – Тедди улыбнулся. – Он изменился меньше всех нас, не находишь?

– Это хорошо или плохо?

– Кто ж его знает, – уступил Тедди, хотя замечание свое имел в виду как комплимент. Раньше, когда он увидел Мики верхом на “харлее”, в нем это вызвало... что? Нежность? Да, но не только. Нечто эгоистичнее. Типа, как бы все стало на самом деле, будь Мики бодр и свеж, оставаясь собой преж-

ним, самоуверенным, не разбирающимся в политике и текущих событиях, но готовым устраивать им разносы из-за их музыкальных вкусов. Не того ли хотим мы от старых друзей? Заверений в том, что мир, который мы так тепло вспоминаем, до сих пор существует? Что его не сменила реальность, в которой мы почти чужаки? – Вообще-то мне кажется, мы все не так уж сильно изменились.

– Мы постарели, – возразил Линкольн. – Будь честен. Ты *сам* вот можешь вообразить, что играешь рок-н-ролл до двух часов ночи? В нашем-то возрасте?

– Ох, не знаю, – ответил Тедди. – Я в два просыпаюсь ча-
стенько. И потом опять – в четыре.

Линкольн на это хмыкнул, хотя Тедди понимал, что мысли его куда-то унесло. Линкольн рассматривал дом Троера, как будто тот задал ему какую-то загадку. Но мгновенье спустя очнулся.

– Если проголодаешься, в холодильнике мясная нарезка и сыр для сэндвичей.

– Ладно, – ответил Тедди. – А у тебя тут велосипед случайно нет?

– В сарае стоит. Сейчас отопру.

– Спасибо. Проедусь, наверное. – Когда друг начал спускаться по ступенькам, Тедди окликнул его: – Линкольн?

– Ну?

– Мне, наверное, с острова придется уехать пораньше.

Линкольн склонил к плечу голову:

– Все в порядке?

– Помнишь, те... припадки, я рассказывал?

– У тебя они еще не прошли?

– Изредка бывают. Вообще-то давно уже не было. Я вроде хорошенько научился их распознавать и могу иногда их отвращать. Но не всегда.

Линкольн кивнул.

– И как оно бывает? Когда они случаются?

– Да по-разному. Иногда постепенно, как аура мигрени. Цвета становятся ярче. Все ощущается чуть съехавшим. А в другие разы – бабах, все сразу и вдруг. – Накануне, когда на причале Оук-Блаффс ему привиделась Джейси, он подумал, не начинается ли опять, но, похоже, нет. Скорее всего, с ним случился тремор – мелкая подвижка эмоциональных тектонических плит, вызванная сменой привычного распорядка, на который он привык полагаться для поддержания равновесия. – Они могут быть довольно зловещими. Иногда у меня даже бывают... предчувствия? О том, что произойдет дальше?

– Значит, в такие моменты надо ставить на бегах, – предложил Линкольн.

В голове у него тут же всплыло приятное воспоминание. Они вчетвером. Субботний вечер. Старший курс. Группа Мики должна была играть, но в последний миг выступление отменили, и все они болтались неприкаянными, а потому загрузились в рыдван Тедди и рванули на собачьи бе-

га в Бриджпорт – в сомнительнейшее, унылейшее заведение из всех, куда вообще их нога ступала, включая Мики, который, будучи музыкантом, имел более широкий опыт по части сомнительных заведений. Ночь напролет они проигрывали ставку за ставкой – до последнего забега, когда Джейси, которую привлекли до нелепости неравные расклады, сделала добавочную ставку на два самых рискованных шанса на поле. Абсолютный фаворит пулей вылетел из воротца. Обычно на этом забег бы и закончился. Но на первом повороте собака вдруг с воем рухнула наземь – на трибунах слышно было, как бедолага визжит: лапа у пса сломалась, точно прутик. Тедди вспомнил, как ему от этого зрелища подурнело. Каждый вечер в новостях показывали что-нибудь намного хуже: мальчишек, его сверстников, рвало на лоскуты в джунглях, но жуткие страдания завывавшего животного происходили всего в пятидесяти ярдах от него, и от такой близости его замутило. А затем его внимание переключилось на Джейси, взобравшуюся на стол, чтобы лучше видеть. На последнем отрезке оба ее сомнительных ставленника неожиданно оказались впереди – не в нужном порядке, но все же. “Вперед! – орала Джейси во всю глотку. – Давай, засрррранец!”

Линкольн ухмыльнулся.

– Так и вижу тех старперов, пляющихся на нее, чуть слюни не текли.

– На ней лифчика не было, – сказал Тедди. – А то стари-

чь? Того же возраста, как мы сейчас.

– Так и есть, – печально произнес Линкольн.

– Сколько она тогда выиграла? – спросил Тедди. – Не помнишь?

Линкольн покачал головой:

– Нет. Несколько сотен, наверное. Во всяком случае, для того времени много. – Он помолчал. – А ты что-нибудь принимаешь?

– Таблетки от тревожности. Но мне не нравится. Я от них глупею.

– Прости, Тедди. Я думал, все это в прошлом. Но поступай как знаешь. Мики поймет.

– Надеюсь, до такого дело не дойдет. Иногда разминки помогают.

“Сейчас он опять глянет на дом Троера”, – подумал Тедди, и точно – Линкольн посмотрел. Считается ли это предчувствием, если знаешь человека уже сорок с лишним лет?

Странно, сообразил Тедди, когда Линкольн ушел, что он тоже помнит Тома Форда столько десятков лет спустя. “Непосредственные и отдаленные причины”. На первые слишком не налегайте, предупреждал их Форд. Чем глубже и дольше что-то остается захороненным, тем больше в нем силы, когда наконец выйдет наружу. Так и с самим Фордом было – столько лет в чулане. Когда секрет наконец выволокли на свет, он оказался смертелен для его обладателя.

Тедди надел солнечные очки. Океан вдали был нереально

синим.

“Ванс”, – подумал Тедди, выкатываясь на дорогу с гравия. Вот как звали жениха Джейси. Либо так, либо Ланс. А может, и Шанс. На два года старше. Если не изменяет память, их с Джейси родители крепко дружили и ходили в один загородный клуб. Все как и полагается в Гринвиче, Коннектикут. Встретаться они начали только летом между ее вторым и предпоследним курсом, преимущественно – по крайней мере, в самом начале – в уступку родителям Джейси. Она курила много дури и протестовала против войны, и те опасались, что она совсем отобьется от рук. Ванс, только что закончивший Дартмут, осенью отправлялся в юридический институт Дьюка³⁸. Добропорядочный гражданин, прическу он носил короткую, с пробором, и, очевидно, циркуляр о том, чтоб не верить никому старше тридцати, не читал. Ко всем мужчинам поколения его родителей он обращался “сэр”, а ко всем женщинам – “мэм”. Парой они с Джейси уж точно выглядели странной, и все очень удивились, когда они к концу того лета объявили о помолвке.

А еще более странным он, Линкольн и Мики считали то, что Джейси, похоже, ничуть по нему не скучала, пока он был в Дареме, да и не навещала его, в отличие от прочих “тет”,

³⁸ Дартмутский колледж – престижный и влиятельный частный колледж высшей ступени в Хановере, Нью-Хэмпшир, фактически университет; преобразован в 1769 г. из Миссионерской школы Мура для индейцев. Юридический институт Университета Дьюка основан в 1868 г. и располагается в Дареме, Северная Каролина.

часто уезжавших к своим женихам. Несколько раз в неделю он ей звонил, но звонила ли ему хоть раз она? Имя его в разговорах обычно не всплывало, если только его не упоминала какая-нибудь из ее сестер, а такое случалось частенько: не особо тонко напоминали, что она уже занята и потому должна себя вести соответственно. В отсутствие ее жениха “теты” всерьез относились к обязанности оберегать честь сестры. На свидания ходить ей было нельзя, но почему-то разрешалось тусоваться с Мушкетерами по выходным, когда играла группа Мики, и даже петь с ними, если требовалась вокалистка. Особенно ей удавалась Грейс Слик³⁹.

Почему “теты” им доверяли? Тедди раздумывал об этом, крутя педали велика по грунтовке мимо дома Троера. Они вправду казались такими безобидными? Именно так Джейси представляла их своим сестрам, чтобы те ослабили бдительность? Или то, что их трое, как-то убавляло угрозу, какую представлял бы Одинокий Объездчик? Или все сводилось к классовым различиям? У Джейси, может, вожжа под хвост и попала, но вот псу под хвост она отнюдь не станет пускать такой улов, как Ванс... Ланс? Шанс? – только не ради халдея, нахер. Так они к этому относились?

В ту ночь, когда они вернулись с собачьих бегов, только соседка Джейси по комнате – девушка по имени Кри-

³⁹ Грейс Слик (Грейс Барнетт Уинг, р. 1939) – американская рок-певица и автор песен, художница, участница групп *The Great Society* (1965–1966), *Jefferson Airplane* и ее производных (1965–1996).

стин, президент землячества, – что-то заподозрила: ждала их в общей комнате корпуса. На обратном пути из Бриджпорта, облагодетельствованные изобильным выигрышем Джейси, они заезжали в бары в Милфорде, Нью-Хейвене и Мэдисоне, и когда прибыли наконец в Минерву, изрядно окосели от выпитого.

– Так что у нас тут происходит? – спросила Кристин, когда они ввалились в парадную дверь все четверо в ряд, сцепившись локтями, как будто ездили повидаться с волшебником⁴⁰. Халдеи Тедди, Линкольн и Мики обычно входили сзади, поэтому когда президент землячества осведомилась, что у нас тут происходит, Тедди первым делом подумал, что обращается она только к ним – ставит их тем самым на место. Но нет – спрашивала она у Джейси.

– Ты всех троих клоунов шпилишь или как?

При этих словах Мики напрягся, но Джейси сделала шаг вперед и оказалась нос к носу с Кристин.

– *Нееет*, – выдохнула она, – но до чего заебательская мысль!

Кристин отшатнулась, нарочито отмахиваясь от перегара.

– Твой жених очень огорчился бы, если бы увидел тебя сейчас.

– А тебе *так* хотелось бы его утешить! – ответила Джейси, тыча ее в грудь указательным пальцем.

⁴⁰ Отсылка к роману американского писателя Лаймена Фрэнка Баума “Волшебник из страны Оз” (1900) и его экранизации 1939 г.

– Эй, – Кристин шлепнула ее по руке, – это не я тут шлюха.

– Что правда, то правда! – сказала Джейси. – Так смотри и учись, сучка. – И, повернувшись к троице, спросила: – А вы куда это собрались?

Хотя Джейси пристыдить не удалось, слова Кристин возымели большее действие на Тедди, Линкольна и Мики – они дружно пятились к открытой двери.

– Идите-ка сюда, – приказала Джейси, и они, разумеется, повиновались и выстроились перед ней, точно на плацу, чтобы она проверила их форму.

Поцеловала она их по очереди, первым – Линкольна, прямо в губы, затем – Тедди, пахло от нее почему-то слаще, несмотря на все пиво, и, наконец, – Мики, у которого подогнулись колени. От выпитого, конечно, но не только.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.